

АЛЕКСЕЙ ГРАВИЦКИЙ

СЕРГЕЙ ВОЛКОВ

18+

ЧИКАТИЛ

ЯВЛЕНИЕ ЗВЕРЯ

CRIMINAL STORY

Criminal Story. Психология преступления

Алексей Гравицкий

Чикатило. Явление зверя

«ЭКСМО»

2021

УДК 343.953
ББК 67.51

Гравицкий А. А.

Чикатило. Явление зверя / А. А. Гравицкий — «Эксмо»,
2021 — (Criminal Story. Психология преступления)

ISBN 978-5-04-118743-9

В середине 1980-х годов в Новочеркасске и его окрестностях происходит череда жутких убийств. Местная милиция бессильна. Они ищут опасного преступника, рецидивиста, но никто не хочет даже думать, что убийцей может быть самый обычный человек, их сосед. Удивительная способность к мимикрии делала Чикатило неотличимым от миллионов советских граждан. Он жил в обществе и удовлетворял свои изуверские сексуальные фантазии, уничтожая самое дорогое, что есть у этого общества, детей. Эта книга – история двойной жизни самого известного маньяка Советского Союза Андрея Чикатило и расследование его преступлений, которые легли в основу эксклюзивного сериала «Чикатило» в мультимедийном сервисе Окко. Понравилась книга? Знаем, что стоит прочитать дальше! На последней странице или в PDF-приложении вы найдете секретный промокод на скидку 40%

УДК 343.953
ББК 67.51

ISBN 978-5-04-118743-9

© Гравицкий А. А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Часть I	6
Часть II	31
Конец ознакомительного фрагмента.	50

**Алексей Андреевич Гравицкий,
Сергей Юрьевич Волков
Чикатило
Явление зверя**

Роман основан на реальных событиях.

*Из уважения к чувствам живущих и памяти
погибших имена действующих лиц изменены.*

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© А. Гравицкий, С. Волков, текст, 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Часть I

Стоял погожий сентябрьский день, к тому же пришедшийся на воскресенье. На пригородной платформе былолюдно. Небогатые советские дачники – женщины с сумками на колесах, мужики с рюкзаками, грибники с корзинами – ждали электрички до города. Возле щита с расписанием сидели местные, немолодые уже тетки, для поддержания семейного бюджета торгующие дарами своих огородиков – помидорами, кабачками, баклажанами, осенними астрами и семечками.

На платформу поднялся мальчик с бамбуковой удочкой и бидончиком. Лавируя между взрослыми пассажирами, он подошел к расписанию и принялся изучать его, беззвучно шевеля губами.

К торговкам подошел усталый милиционер из местного отделения.

– Как торговля?

Самая бойкая из теток, в нелепой белой кепочке с персонажами «Ну, погоди!» на тулье, фыркнула:

– Какая торговля? Слезы одни.

Мужчина по-хозяйски загреб из мешка горсть семечек, ссыпал в пустую кобуру, кинул семечку в рот.

– Осень. У всех своего полно, – поддержала соседку вторая торговка.

Разговор забуксовал, но тут владелица кепочки поинтересовалась у милиционера, понизив голос:

– Коля, а шо, правда в лесополосе за поселком на той неделе еще один труп нашли?

Тот, не переставая лузгать семечки, кивнул.

– И шо?

– Шо, шо... – внезапно раздраженно, даже зло ответил милиционер. – Пиздец, вот шо! Тело все в ножевых... Одежда в лоскуты... Насиловал он ее... а потом еще туда ножом тыкал, тварь...

Торговки испуганно и тревожно переглянулись.

Мимо них прошел неприметный мужчина в плаще и шляпе, с портфелем в руках. Таких, как он, даже на этой платформе было несколько человек.

– Когда ж это кончится? Когда их поймают? – спросила «Ну, погоди!».

Милиционер сплюнул на рельсы шелуху, посмотрел куда-то вдаль и нехотя ответил:

– Скоро, тетя Вер, скоро...

Мальчик, изучив расписание, присел на скамейку, поставил бидончик у ног, примостил рядом бамбуковую удочку и свесил голову, разглядывая свои испачканные кеды. На носке одного кеда была нарисована шариковой ручкой улыбающаяся рожица. Он был заметно расстроен – клева не случилось, бидончик для добычи пустовал.

Незнакомец в плаще и шляпе сел на эту же скамейку, но не рядом, а оставив свободное пространство. Мальчишка повернулся к нему, равнодушно скользнул взглядом и вернулся к созерцанию кед.

– На запрудку ходил? – спросил мужчина.

Рыбачок молча кивнул.

– Не клевало?

Мальчик все так же молча покачал головой – нет, мол.

Человек в плаще улыбнулся.

– Удочка у тебя хорошая. У меня такая же была. Я однажды на нее килограммового окуня вытащил.

Эти слова задели мальчика, он недоверчиво посмотрел на словоохотливого дядьку и снисходительно усмехнулся, как взрослый.

– Ну да! Таких окуней не бывает.

– Там, где я жил, бывают и больше, – снова улыбнулся незнакомец. – Меня, кстати, дядя Андрей зовут. А тебя?

– Там – это где? – пропустив вопрос мимо ушей, заинтересовался мальчишка.

– На Дальнем Востоке.

– А, ну там-то да... – расстроено протянул рыбачок и, спохватившись, добавил: – Я Саша, здрасте.

Разговор на короткое время прекратился – мимо платформы с грохотом пронеслась электричка.

– У тебя, Сашок, леска толстая, – уверенно сказал мужчина. – Ноль-три?

Мальчик кивнул.

– Ага. Батка купил в спортмаге.

– Поэтому и не клевало, – еще увереннее сказал человек в плаще. – Такая на щуку хороша. А на запрудке карась, он толстую леску видит и боится.

Саша с досадой махнул рукой.

– Да знаю я...

Он снова уставился на кеды. Мужчина выдержал паузу и доверительно сообщил мальчику:

– Я вижу, ты настоящий рыбак, Сашок. В общем... У меня «японка» есть. Ноль-двенадцать, крашеная. Слышал о такой?

Мальчишка тут же вскинулся, посмотрел на собеседника, и стало видно, что в его глазах восторг борется с недоверием.

– Слышал, конечно... – пробормотал он и с уважением кивнул. – Четкая леска!

– У меня две катушки, шури из загранки привез, он моряк, – сказал мужчина. – Я теперь на рыбалку редко езжу... Хочешь, одну катушку тебе отдам? Жалко, что добро пропадает.

Рот рыбачка против его воли расплылся в улыбке.

– Кто ж не хочет... – сказал он, но тут же спохватился: – Только у меня денег нет. А она дорогая, небось.

– Чудак ты, Сашок, – тоже улыбнулся человек в плаще. – Я ж бесплатно предлагаю. Мне она тоже за так досталась. У меня дача тут, триста метров от платформы, за лесополосой. Хочешь, сейчас и отдам. Пойдем?

Саша подался вперед, готовый прямо сейчас вскочить и бежать вместе с щедрым дядей Андреем, но взгляд его скользнул по щиту с расписанием электричек, и улыбка на загорелом лице потухла. Мальчик отрицательно помотал головой.

– Не... На электричку опоздаю – мамка заругает. Она велела, чтобы я к обеду был, а то больше не отпустит, а уже три часа.

Мужчина пожал плечами, сказал равнодушно, но уверенно:

– Вообще-то до электрички еще полчаса, ты сто раз успеешь. Но нет – так нет. Как хочешь.

Не дожидаясь ответа, он встал, подхватил портфель и пошел по платформе, мимо щита с расписанием, мимо беседующего с торговками милиционера, постепенно удаляясь от мальчика.

Мальчик смотрел ему вслед, кусая губы. В нем боролись желание стать обладателем дефицитной японской лески и опасение опоздать на электричку.

Решение, как всегда бывает в таком возрасте, пришло внезапно. Мальчишка вскочил, подхватил бидончик, удочку и, громко топая кедами, побежал следом за мужчиной, крича на бегу:

– Дядя Андрей! Стойте! Дядя Андрей! Я с вами!

Он догнал доброго и щедрого дядю Андрея. Тот протянул ему ладонь. Мальчик доверчиво взял мужчину за руку; так они и пошли по платформе и дальше, по тропинке, убегающей в лесополосу. Ни милиционер, ни торговки, ни другие пассажиры на платформе не обратили на эту обыденную сцену никакого внимания.

По вторым путям пронеслась, тревожно гудя, электричка.

* * *

Следующим утром в лесополосе возле станции престарелый грибник сделал страшную находку.

Милиция приехала быстро – это был далеко не первый подобный случай за последнее время. Стоял густой туман, в нем угадывались очертания столбов вдоль железной дороги, силуэты деревьев. Чуть ближе были видны несколько милицейских машин, возле них кучкой стояли и курили милиционеры в форме и пара оперативников в штатском.

У кучи опавших листьев и валежника работали эксперты – один фотографировал тело убитого мальчика, другой заносил данные осмотра места происшествия в протокол:

– Множественные ножевые ранения. Половой член отрезан, отсутствует. Глаза выколоты...

Майор Ростовского уголовного розыска Липягин, один из лучших оперативников города и области, неподалеку допрашивал старого грибника:

– В каком часу это было?

Старик покрутил в руках пустую корзину, припоминая:

– Около пяти, должно быть. Я рано встаю, если по грибы. А то дачники все разберут... Иду, а тут такое... Я сразу на станцию, вам звонить стал...

– Никого рядом не видели? – спросил Липягин.

Старик покачал головой.

– Да какое там... Я ж испугался... Туман этот еще... Мальчонку-то за что так, а, товарищ начальник? Он же маленький совсем... Что ж это, а? Как будто немец опять пришел...

Стоявший поодаль капитан Витвицкий, высокий человек с нервным лицом, сделал несколько шагов к куче и увидел торчащие из нее детские ноги – одна в грязном кеде с нарисованной рожицей, другая босая. Ноги были покрыты запекшейся кровью. Из кучи также торчала сломанная бамбуковая удочка. Витвицкий пригляделся к тому, что фотографирует эксперт, резко побледнел, отшатнулся, отошел на подгибающихся ногах в сторону, согнулся, его стало неудержимо рвать.

Курившие милиционеры обернулись.

– Новенький, что ли? – поинтересовался кто-то из оперов.

– Не, сказали, спец, – ответил водитель «бобика». – Ловить этих... Которые вот... – кивнул на останки мальчика, – в лесополосах орудуют.

– Какой из него спец? – хмыкнул другой опер. – Вон как харчи метает...

– Начальству виднее, – пожал плечами водитель. – Из Москвы прислали.

Старик, разговаривавший с Липягиным, вдруг схватился за грудь, захрипел, начал падать, выронив корзину.

Липягин подхватил его, крикнул оперативникам:

– Паша, «Скорую!» Похоже, сердце...

* * *

Неделей ранее этих печальных событий в Москве, в кабинете заместителя министра внутренних дел Советского Союза, состоялся важный, можно даже сказать судьбоносный разговор.

За большим столом, украшенным дорогим письменным прибором и настольной лампой под зеленым абажуром, сидел хозяин кабинета, уже немолодой, грузный человек в генеральской форме – Владимир Панкратович Сазонов. Напротив него, в кресле для посетителей, расположился следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры СССР полковник Тимур Русланович Кесаев. Они были давними знакомыми, хотя и работали в разных ведомствах.

– ...Несмотря на все усилия местных органов, убийства продолжаются, – говорил генерал, изредка поглядывая в документы. – Лесополосы, городские парки и окраины стали небезопасными местами. Поэтому было принято решение создать межведомственную группу. И возглавить ее поручено тебе, Тимур Русланович. Задача простая и сложная одновременно – разобраться в этих убийствах и поймать преступников.

– Разрешите один вопрос, Владимир Панкратович? – подал голос Кесаев.

Сазонов внимательно посмотрел на него.

– Вопросов у тебя, я думаю, не один и не два. А время идет. Поэтому давай все потом, в рабочем порядке. Формируй группу и езжай в Ростов. Местные товарищи тебя встретят, введут в курс дела, окажут всяческое содействие, я об этом позабочусь.

– По подбору кадров я полностью самостоятелен? – спросил следователь.

Генерал кивнул.

– Конечно. Единственное – возьмешь капитана Витвицкого...

Кесаев поморщился, словно съел целый лимон.

– Кого?! Этого болтуна, из НИИ МВД который? Ни за что. Зачем мне гиря на ногу?

Сазонов мгновенно потерял спокойствие, в голосе его лязгнула сталь.

– Я что тут с тобой, в бирюльки играю?! – он встал, подошел к окну, за которым шумело Садовое кольцо. – Это приказ! Дело на контроле в Политбюро! Там детей убивают, а милиция три года возится.

Кесаев развел руками.

– Да Витвицкий-то тут при чем? Тоже мне, нашли Шерлока Холмса...

– Холмса не Холмса, а нужно использовать новые методики, особенно если старые не работают. Психология преступника и все такое прочее... Ну, ты же помнишь тему его диссертации... – мужчина вернулся к столу.

– Владимир Панкратович, но это же теория! Как это мне поможет?

Генерал сел в кресло, отпил остывший чай из стакана в серебряном подстаканнике.

– Поможет, поможет, Тимур Русланович... Ты Стругацких, «Жука в муравейнике», читал? Помнишь, как там сказано...

Сазонов отставил стакан, поискал среди бумаг на столе, нашел нужную.

– Вот, я выписал даже: «И если в нашем доме вдруг завоняло серой... мы обязаны предположить, что где-то рядом объявился черт с рогами, и принять соответствующие меры, вплоть до организации производства святой воды в промышленных масштабах»¹.

Следователь криво усмехнулся.

– Вот прямо черт с рогами?

Генерал нахмурился.

¹ Стругацкий А., Стругацкий Б. Жук в муравейнике. М.: Изд-во Лумина, 1983.

– Я видел секретный доклад КГБ туда... – он указал глазами на потолок. – В области натуральная паника. Люди отказываются выпускать детей одних в школу. Слухи ходят такие... Вплоть, кстати, до черта, то есть дьявола. Мол, бродит среди людей, убивает детишек и похищает детские души. Поэтому возьми Витвицкого.

– Да что он может... – расстроено протянул Кесаев.

Генерал резко припечатал лист с цитатой из Стругацких к столу ладонью.

– Все! Разговор окончен. Дело, я тебе уже говорил, на контроле партии и Политбюро! Идите, товарищ следователь по особо важным делам.

Мужчина молча встал, взял со стола папку и вышел из кабинета.

* * *

Вечером того же дня на аэродроме в подмосковном Чкаловском у спецборта МВД СССР, бело-синего «Ту-134», собрались все участники группы Кесаева. Время поджимало, стюардесса попросила пассажиров подняться в самолет, и у трапа остались только Кесаев и его давний знакомый и помощник майор Горюнов, крепкий, краснощекий здоровяк, никогда не теряющий присутствия духа.

Стюардесса с озабоченным лицом сбежала по ступенькам трапа, цокая каблучками:

– Товарищи, нам через три минуты взлетать. Где ваш сотрудник?

Кесаев процедил сквозь зубы:

– Хотел бы я знать... Олег, ты ему время точно продиктовал?

Последняя фраза адресовалась Горюнову. Тот развел руками:

– Ну, Тимур Русланович, что я, первый день замужем, что ли?

Командир экипажа отдал команду на продувку и запуск двигателей. Турбины, медленно раскручиваясь, вскоре начали выть, словно тысяча голодных волков, затем вой перешел в рев. Стюардесса поднялась по трапу в самолет.

Следователь, перекрикивая шум двигателей, сообщил Горюнову:

– Еще минута – и летим без него!

В этот момент на летном поле появился опоздавший Витвицкий. Он бежал к самолету, нелепый, несуразный, в развевающейся одежде, роняющий по дороге вещи. Горюнов первым заметил его, тронул Кесаева за руку:

– Вот он, Тимур Русланович!

Кесаев повернулся, посмотрел, как Витвицкий, уронив портфель, поднял его, уронил сверток с бумагами, потом споткнулся, снова уронил портфель, и зло бросил:

– Клоун... Олег, иди садись.

Горюнов поднялся по трапу. Витвицкий подбежал к самолету, где его поджидал Кесаев.

– Фу-у-х, успел!.. – с радостным выражением на лице крикнул Витвицкий.

Следователь, стараясь держать себя в рамках, резко оборвал его:

– Нет, не успели! Вы, Витвицкий, едва не сорвали нам полет! Это разгильдяйство...

Витвицкий, побледнев, закричал в ответ – турбины ревели на полную:

– Я должен был собраться... Я ученый! Мне дали всего три часа...

Кесаев покачал головой:

– Ты – офицер милиции! А еще сопляк и демагог. Марш в самолет! Бегом!

Витвицкий попытался возразить, но стюардесса уже махала с трапа, и ему пришлось послушно подняться по ступенькам. Последним в самолет вошел Кесаев. Дверь закрылась, трап отъехал, самолет вырулил на взлетку, разогнался, взлетел, и через мгновение его бортовые огни исчезли в низких вечерних облаках.

* * *

Все это было неделей ранее, а сейчас московская группа вместе с местными оперативниками работала на месте очередного преступления убийцы, уже прозванного Ростовским потрошителем.

Рассвело. Туман рассеялся. Часть милицейских машин уехала. Возле «Скорой» врачи хлопотали вокруг старика-грибника, ставили ему капельницу. В стороне майор Липягин о чем-то разговаривал с оперативниками.

Санитары подняли и понесли к серому «уазу»-«буханке» с красным крестом носилки с убитым мальчиком, укрытым белой простыней. Сквозь простыню проступали кровавые пятна.

Витвицкий, по-прежнему бледный, с платком в руке, наблюдал за этим. К нему подошла миловидная девушка в простенькой кофточке и серой юбке – старший лейтенант Овсянникова, единственная женщина в ростовском УГРО.

– Ну, как вы? Полегче? – спросила она у Витвицкого.

Тот неопределенно дернул плечом.

– Не знаю... Мутит... Я никогда не был... На вот таком вот...

Овсянникова понимающе кивнула.

– Да, к такому привыкнуть сложно.

Она поежилась от утреннего ветра, несущего знобкий холодок, вздохнула:

– И главное – я понять не могу... Когда в пьяной драке... Или с целью ограбления... Да даже эти... насильники... Им ведь главное – получить удовлетворение, а потом... Иногда убивают, бывает. Боятся, что жертва расскажет. Убивают, придушат там или ножом пырнут – но не так! Это же ужас!

Витвицкий повернулся к Овсянниковой, внимательно посмотрел на нее.

– А вы... Как вас, простите, по имени-отчеству?

– Просто Ирина.

– Очень приятно. Я Виталий Иннокентьевич. Так вот... Вы не думали, Ирина, что без этого всего преступники... – он сделал жест рукой с платком куда-то в сторону «уазика». – Просто не могут получить... это вот, о чем вы сказали... удовлетворение?

Санитары погрузили носилки в «уазик», с грохотом закрыли двери. Овсянникова промолчала. Липягин двинулся к служебной «Волге», по пути скомандовал своим:

– В час совещание у Ковалева, с московскими коллегами. Не опаздывать!

Машины разъехались, место убийство опустело, только сиротливо торчала из кучи листвы сломанная бамбуковая удочка с обрывком толстой лески ноль-три.

* * *

У уличного киоска с крупной надписью «ОВОЩИ» стояла небольшая очередь, в основном женщины, возвращавшиеся домой после работы. Некоторые были с детьми, кто-то уже успел отовариться и держал в руках полные авоськи и хозяйственные сумки. За прилавком гремел весами продавец-мужчина в грязно-белом халате.

Очереди бывают разные: тихие и интеллигентные очереди за книгами, шумные и горластые – за водкой, скорбные очереди в больницах или нервные, истеричные – за билетами на вокзале. В очереди к овощному киоску обсуждали недавнее убийство в лесополосе возле станции.

– Я бы, если бы их поймала, своими руками бы придушила! Сволочи! – эмоционально говорила немолодая женщина, рубя воздух ладонью.

– Вы думаете, их много? – спросила высокая дама в желтом платье.

– Один человек на такое не способен, – отрезала эмоциональная и, понизив голос, добавила: – Говорят, что это целая банда... – она кивнула куда-то в сторону. – Оттуда.

Продавец киоска услышал их разговор и вмешался:

– Откуда еще – оттуда?

Зачинщица разговора резко повернулась к новому собеседнику:

– Ясно откуда. С Запада!

Продавец нахмурился.

– Да что вы херню несете, женщина? Это зэки с урановых рудников. Они облученные, смертники, считай... Вот и мстят всему свету...

– Да какие смертники. Я тоже слышала, что диверсанты из-за бугра, – уверенно сказала женщина в желтом.

– Зачем им, – усмехнулся продавец, – присылать сюда диверсантов? Да еще и детей убивать?

– Ясное дело, зачем. Дети – это же наше будущее, – пожала полными плечами дама в желтом платье.

Старушка в платочке, похожая на персонажа из русской народной сказки, поддержала ее:

– Правильно, дочка. Вот по будущему они и бьют, гады фашистские.

Старушка повернулась к мужчине в плаще и шляпе, стоящему за ней:

– Верно, я говорю, мужчина?

Тот кивнул и ответил, негромко и уверенно:

– Верно. Конечно, верно. Дети – цветы жизни.

– Мне соседка рассказывала, у нее муж в милиции работает, что они детей гипнозом уводят, – не унималась эмоциональная. – Мы с мужем своего теперь до школы провожаем. И встречаем.

– Гипноз – это чушь... – возразил человек в плаще.

– Сами вы чушь! – немедленно повысила голос женщина. – У меня свояченицу цыгане гипнозом обокрали...

Продавец, которого начал утомлять этот разговор, перебил ее:

– Следующий! Женщина, что вам?

Эмоциональная спохватилась, сунула продавцу в руки чисто выстиранные пакеты:

– Ой, мне огурцов кило и синеньких... Сюда вот положьте.

Разговор затих сам собой. И тогда незнакомец в шляпе тихо произнес, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Никакого гипноза не существует. А с детьми нужно лаской...

Он дождался своей очереди, купил картошки и лука, сложил все это в матерчатую сумку и не спеша пошел по улице домой. На него никто не обращал внимания – ну идет человек с работы и идет. Точно так же никто не обратил на него внимания накануне утром на платформе пригородной электрички, когда он, представившись дядей Андреем, пообещал мальчику Саше японскую леску и увел в лесополосу.

Звали человека Андрей Романович Чикатило, он был примерным семьянином, хорошим работником, и его фотография даже висела на Доске почета...

* * *

В кабинете начальника уголовного розыска Ростовской области полковника Ковалева былолюдно – шло совместное совещание с московской группой Кесаева.

По одну сторону длинного стола сидели подчиненные Ковалева, сотрудники местного уголовного розыска, среди них Липягин и Овсянникова. По другую сторону расположились

в полном составе гости. Во главе стола восседал сорокалетний Ковалев, гроза областной преступности, человек решительный и жесткий.

– Еще раз хочу представить вам наших московских коллег, – обратился он к своим подчиненным и вышел из-за стола. Прохаживаясь вдоль сидящих, Ковалев называл имена: – Тимур Русланович Кесаев, следователь Генеральной прокуратуры по особо важным делам. Его заместитель, майор Олег Николаевич Горюнов. Майор Сеченов. Капитан Трешнев. Капитан Шабурин. А это эксперт из НИИ МВД, капитан Виталий Иннокентьевич Витвицкий.

Полковник остановился возле все еще бледного Витвицкого.

Липягин негромко, но так, что все услышали, сказал:

– С капитаном мы уже познакомились, на выезде сегодня. Хорошо познакомились. Он нам, можно сказать, всю душу излил.

На лицах подчиненных Ковалева появились сдержанные улыбки, послышались смешки. Витвицкий опустил голову. Только Овсянникова посмотрела на капитана с сочувствием.

– Не отвлекаемся, товарищи, – одной фразой навел порядок Ковалев. Смех сразу стих. – Московские коллеги приехали к нам в подкрепление в связи с убийствами в лесополосах.

Мужчина вернулся на свое место, сел, продолжил говорить:

– Прошу, так сказать, любить и жаловать. И оказывать всяческую поддержку.

– Вы неверно информированы, Александр Семенович, – мягко произнес Кесаев, и в кабинете вдруг наступила звенящая тишина. – Моя группа ведет собственное расследование, а в ваши обязанности входит всесторонняя поддержка. Так что надеюсь на плотное взаимодействие.

Местные переглянулись. Ковалев напрягся, поиграл желваками – с ним так разговаривало только большое начальство, да и то крайне редко. Однако он тут же взял себя в руки и вернул на лицо дружелюбное выражение.

– Можете рассчитывать на полное содействие с нашей стороны, Тимур Русланович.

Следователь кивнул.

– В таком случае, Александр Семенович, было бы неплохо, если бы вы ввели нас в курс дела и поделились своими соображениями.

Ковалев открыл папку с документами, бросил на них беглый взгляд, напоминая себе детали, и начал говорить:

– В последнее время в области серьезно возросло количество нераскрытых убийств. Изуродованные тела, в том числе детские, находят в парках Ростова и окрестных лесополосах, чаще в районе станций пригородных электричек. Мы предполагаем, что действует банда.

– Почему? – неожиданно раздался голос Витвицкого.

Полковник осекся, его подчиненные посмотрели на Витвицкого так, будто заговорил стул. В этом кабинете не было принято перебивать его хозяина.

– Что – «почему»? – сдерживая гнев, спросил Ковалев.

– Почему вы полагаете, что действует банда? – глядя на полированную поверхность стола, негромко спросил Витвицкий.

Кесаев недовольно свел брови к переносице, негромко, сдерживая раздражение, бросил:

– Подождите, капитан. Вопросы потом.

– Ничего, я понимаю... – полковник неожиданно улыбнулся. – Эмоциональная травма. Вы, Тимур Русланович, тоже ведь что-то хотели сказать?

– Александр Семенович, мне и моим людям необходимо ознакомиться с материалами, – произнес следователь, повернулся к Горюнову: – Олег, давай.

– Вероятно, понадобится обращаться к старым делам, так что было бы уместно, если бы вы выделили нам человека для работы с архивами, – сказал Горюнов.

Ковалев согнал с лица улыбку.

– Олег Николаевич, вы меня простите, но вы вообще понимаете, что в области происходит?

Липягин принял это как руководство к действию и посмотрел на Кесаева:

– Тимур Русланович, у нас каждый человек на счету, а вы хотите, чтоб для вас кто-то по архивам бегал?

– Эдик! – одернул подчиненного Ковалев, показывая, кто в доме хозяин.

Кесаев тем не менее помощь Ковалева не принял и ответил Липягину сам:

– Я, Эдуард Константинович, очень хорошо представляю, что происходит с нераскрытыми убийствами у вас в области. Если бы вы их раскрывали, нас бы здесь не было.

В кабинете вновь повисла тишина. Первым ее нарушил Ковалев.

– Не надо нервничать. Нам всем еще вместе работать, – сказал он и пристально посмотрел на следователя. – Завтра прямо с утра я попробую найти кого-то, кто поможет вам с архивами. А сегодня, может быть... в неформальной обстановке... в смысле за знакомство и совместный успех?..

– У нас с вами много проблем и большие задачи, вы это прекрасно знаете, – ответил Кесаев. – За совместный успех выпьем, когда он будет.

Полковник развел руками:

– Договорились. Сначала работа, потом все остальное.

Он поднялся из-за стола, тем самым давая понять, что совещание закончено, и, складывая документы, сказал Кесаеву:

– Вас разместят в «Московской». Гостиница, может, не самая лучшая, но главное – это здесь рядом. Так что ждем вас утром.

Подчиненные Ковалева гуськом потянулись к дверям. Ковалев с радушием пожимал москвичам руки, прощаясь. Наконец двери закрылись, и Ковалев остался в кабинете один. Маска радушия тут же исчезла с его лица. Он хмуро посмотрел на дверь и прошипел тихо, с ненавистью:

– Суки московские...

* * *

Кесаев вышел из здания УВД последним, оглядел свою группу и нахмурился. Здесь были все, кроме одного.

– А Витвицкий где? – поинтересовался он у Горюнова.

Тот огляделся на всякий случай, пожал плечами:

– Да кто его знает, товарищ полковник... Отошел.

Предположение майора не соответствовало действительности. Витвицкий не «отошел», он не дошел. Именно в этот момент капитан спускался по лестнице с чемоданом и портфелем в охапку. Следом старший лейтенант Овсянникова тащила его свертки с книгами.

Они остановились в вестибюле у проходной. Витвицкий поставил чемодан и молча забрал у Овсянниковой свертки. Это вышло неловко, и Виталий Иннокентьевич смутился.

– Спасибо вам, Ирина, – пробормотал он, избегая смотреть ей в глаза.

– Не за что, – улыбнулась она.

Снова повисла тишина, и пауза эта потянула за собой новую неловкость.

– Виталий Иннокентьевич, вы на шуточки не обижайтесь, – заговорила старший лейтенант, пытаясь разрядить атмосферу. – Это они не со зла, а от работы. Когда насмотришься всякого, душа черствеет.

– Спасибо, – благодарно кивнул мужчина. – Я понимаю. Я привык... На самом деле я ведь не настоящий милиционер, я наукой занимаюсь... А так, чтобы как сегодня...

Он запнулся.

– А погоны капитанские у вас тоже ненастоящие? – не удержалась Овсянникова. Витвицкий снова отвел взгляд, покраснел, как школьник.

– До завтра, Виталий, – улыбнулась Овсянникова. – Можно ведь без отчества?

– Извините, но я бы предпочел с отчеством.

Девушка перестала улыбаться и поджала губы. Ее редко вот так ставили на место.

– Хорошо. До свидания, Виталий Иннокентьевич, – сухо сказала она и пошла обратно к лестнице.

Витвицкий шагнул было следом, собираясь окликнуть, но запнулся о стоящий рядом чемодан, замешкался. Все вышло нелепо и неправильно. Не так он хотел расстаться сегодня с симпатичной старшим лейтенантом.

С досадой путаясь в свертках, Витвицкий поднял злосчастный чемодан, развернулся и лицом к лицу столкнулся с Кесаевым. Полковник смотрел на Виталия Иннокентьевича с неприязнью.

– Семеро одного не ждут, – сказал он таким тоном, что Витвицкого обдало холодом.

Капитан виновато опустил взгляд.

– И в другой раз, когда решите лезть с вопросами к старшим по званию, помните о субординации, товарищ капитан.

– Извин... – промямлил Витвицкий. – То есть... так точно, товарищ полковник.

Кесаев ничего не ответил, только тяжело вздохнул и направился к двери. Мысль о том, что он еще намучается с этим мальчишкой, не отпускала полковника. А Витвицкий семенил следом и думал совсем о другом...

* * *

В ресторане гостиницы «Московская» было тихо и немногочленно. За высокими окнами, задернутыми пыльными шторами, уже стемнело. Большая часть столиков, накрытых накрахмаленными скатертями и украшенных крохотными вазочками, из которых торчали нелепые пластиковые цветы, пустовала.

В дальнем углу обосновалась практически в полном составе группа Кесаева. Не было только начальства – самого полковника и его зама Горюнова. Мужчины ужинали, перекидываясь пустыми фразочками. Нельзя двадцать четыре часа в сутки говорить и думать о работе, поэтому за столом стоял веселый треп. И только Витвицкий сидел с отстраненным видом. Вроде бы и с коллегами, но при этом сам по себе.

– А этот Ковалев вроде ничего мужик, – сказал Трешнев, помешивая сахар в чае.

– Да ну, – отмахнулся Сеченов, – дипломатничал много. Показуха.

– Думаешь? – Трешнев пригубил горячий чай. – А мне как раз простецким показался.

– Если б не Русланыч со своей дисциплиной, сейчас бы коньячку вмазали, – встрял в разговор Шабурин, который, в отличие от Трешнева, явно не питал любви к горячему чаю. – Глядишь, и с местными бы быстрее сошлись.

– А кто мешает? – оживился Сеченов.

– Сойтись? – уточнил Трешнев.

– Да не, – отмахнулся Сеченов, щелкнул по шее указательным пальцем, давая понять, что имел в виду коньяк, а не дружбу с местными, и вопросительно посмотрел на Трешнева. Тот кивнул.

– Я сейчас, – подскочил из-за стола Сеченов и бодро пошел через зал.

Трешнев и Шабурин переглянулись и не сговариваясь посмотрели на Витвицкого. Капитан молча заканчивал ужин, эстетски орудуя ножом и вилкой.

– А вы, товарищ капитан, что про Ковалева скажете? – попытался разболтать молчаливого капитана Трешнев.

– Вы не правы, – сдержанно произнес Витвицкий. – Ковалев совсем не прост. И никаких симпатий ни к нам, ни к Тимуру Руслановичу он не питает. И с местными, как вы выразились, сойтись... вряд ли получится. Мы им как кость в горле.

– О как! – весело подмигнул Шабурин Трешневу. – Тяжело быть психологом, все вокруг уродами кажутся. Моральными, разумеется.

– Я не сказал, что Ковалев урод, не передергивайте, пожалуйста. Я просто отметил, что он не прост и не питает к нам никаких симпатий.

Шабурин и Трешнев снова переглянулись, едва сдерживая ухмылки. В этот момент вернулся Сеченов. Глаза его заговорщицки блестели, карман характерно оттопыривался.

– Ну что? Айда в номер? – весело спросил он.

– По коням, славяне! – подхватился Шабурин и поглядел на Витвицкого: – Капитан, ты с нами?

– Благодарю. Я не пью, – отозвался Витвицкий.

– Понимаю... – кивнул Сеченов и снова весело подмигнул остальным: – Великий пост.

– Зря иронизируете, – не отрывая взгляда от тарелки, отозвался Витвицкий. – Я не пью из идейных соображений. Пьяный психолог – это как пьяный хирург. Вы представляете, что будет, если...

– Ну ты и зануда, капитан, – оборвал поток «идейных соображений» Шабурин. – Ладно, мы-то не психологи, да, мужики? Пошли!

Офицеры, скрипя стульями, поднялись из-за стола и, продолжая весело трепаться, пошли к выходу из ресторана. Витвицкий остался в одиночестве.

Закончив с ужином, он педантично сложил поперек тарелки столовые приборы, аккуратно задвинул стул и поднялся в свой номер. Обстановка здесь была спартанская: кровать, тумбочка, письменный стол и стул.

Из-за стены доносились бодрые приглушенные голоса Трешнева, Шабурина и Сеченова, осваивающих прихваченную в буфете бутылку коньяка.

Витвицкий поднял с пола чемодан, водрузил его на кровать, расстегнул толстую, как змея, молнию, откинул покособившуюся кожаную крышку. Большую часть чемодана занимали книги и монографии, напечатанные на машинке. Капитан на всякий случай провел рукавом по столешнице, будто стирая несуществующую пыль, и начал бережно выкладывать на стол книги.

Витвицкий пребывал в странном состоянии: он не испытывал радости от того, что остался в одиночестве, но и пить с незнакомыми людьми капитану тоже не хотелось.

* * *

А вот немолодой сотрудник вневедомственной охраны Иван Петрович Неменяйло, охранявший троллейбусный парк на другом конце города, чувствовал себя весьма комфортно.

Дневная суета закончилась, начиналось самое вольготное время. Это только кажется, что ночное дежурство – штука сложная, на самом деле нет в нем ничего такого. Сотрудники к ночи расходятся, в будке КПП тепло и сухо – благодать. Поужинал, радио послушал, а там и покемарить до утра не грех – территория-то огорожена. А если б даже и не была огорожена, какой дурак сюда полезет? Троллейбусное депо – не магазин «Галантерея» или «Ювелирный».

Из радиоприемника «Турист» доносилась негромкая музыка. В литровой банке на столе булькал водой кипятильник. Рядом лежала пачка рафинада, спичечный коробок и сверток, обернутый газетой «Труд». Петрович насыпал в пустую эмалированную кружку чайного листа из пачки со сломом, выдернул из сети кипятильник, залил чай кипятком, сел к столу и развернул газету. Внутри обнаружилась вареная картошка и половинка курицы.

Петрович не спешил, все делал обстоятельно, со вкусом. Открыл спичечный коробок, посыпал солью из него картошку. На этом неспешность покинула вохровца. Привычно огля-

нувшись, он шустро вынул из-под стола початую чекушку водки «Московская», крутанул винтом, лихо выпил и занюхал рукавом.

По лицу Петровича растеклась благодать, в движения вернулась плавность и размеренность. Он уже собрался было приступить к ужину, как в этот момент за окном, на грани видимости, мелькнула какая-то тень. Или только показалось?

Сторож напряженно вглядывался в темноту, но за окном все было как будто спокойно. Точно, показалось. Успокоившись, Петрович вернулся к курице: с хрустом отломил ножку, начал есть, но взгляд его нет-нет да и возвращался к окну.

Там громоздились темные силуэты троллейбусов с отцепленными от контактной линии на ночь рогами. И от одного из них к другому метнулась фигура человека. На этот раз, кажется, совершенно точно.

Бросив курицу, вохровец вскочил из-за стола, схватил фонарик и выбежал на улицу.

Снаружи было свежо. Петрович обошел будку, остановился перед троллейбусами, подсвечивая себе фонариком, вгляделся в живую, шевелящуюся темноту осенней ночи.

– Есть тут кто? – опасливо поинтересовался он.

Ответа не последовало. Ни звука, ни движения, только тихо шелестели листвою на ветру деревья. Петрович поежился и с облегчением затрусил обратно в тепло. Человека в плаще с поднятым воротником он уже не видел.

А тот, выждав, когда уйдет сторож, снова заскользил от одного троллейбуса к другому, стараясь избегать полос света от фонарей. То и дело озираясь и оглядываясь на освещенные окна будки КПП у ворот, неизвестный добрался до кирпичной подстанции. Там он остановился и принялся шарить рукой по стене, пытаясь нащупать в темноте железный щит с рубильником. Щит нашелся быстро, но оказался закрытым.

В руке человека блеснул нож. Лезвие ножа нырнуло в щель дверцы, человек в плаще надавил на рукоять, и дверца щитка открылась с металлическим звуком. Дальше все было просто: злоумышленник дернул рубильник, замыкая контакты. Раздался гул трансформаторов, и в глубине щитка вспыхнула лампочка, сигнализирующая о подаче питания.

Человек в плаще растянул губы в довольной улыбке. Залезшему в троллейбусное депо навскидку можно было дать лет двадцать, не больше. Звали его Костя Шеин. Редко называли Котькой, а чаще – Шеей или просто по фамилии. Шеин беззвучно рассмеялся в темноту, неприятно кривя лицо, и полез в троллейбус.

Петрович тем временем допил водку, закончил трапезу, завернул обратно в газету куриные кости, убрал сверток и, сытый и благостный, кидал кусочки рафинада в кружку с чаем.

– Уважаемые радиослушатели, – нарочито зычно для ночного времени вещал из приемника голос диктора, – начинаем программу «После полуночи». Вы услышите песни в исполнении Аллы Пугачевой, Валерия Леонтьева и других популярных исполнителей советской эстрады...

Пугачеву слушать было приятно, хорошо поет. Петрович наклонился, чтобы сделать погромче, взгляд его скользнул по веренице троллейбусов за окном, и в этот момент у одной из машин загорелись фары.

В одно мгновение Петрович забыл о Пугачевой и всех прочих советских исполнителях. Пытаясь вспомнить, что в такой ситуации положено делать по инструкции, он кинулся к тумбочке возле двери, дрожащей рукой сдернул трубку с телефонного аппарата и, с трудом попав пальцем в отверстия диска, набрал ноль-два.

– Алло, милиция? – почему-то зашептал Петрович в трубку. – Это троллейбусный парк звонит...

Шеин в этот момент сидел в кабине троллейбуса и яростно шептал себе под нос:

– Сломанный подсунули... Пидорасы!

Он по очереди пробовал все ручки, переключатели, тумблеры в попытке завести машину. Но троллейбус не поддавался. Когда после очередной манипуляции Шеина в недрах что-то щелкнуло и загудело, троллейбус, вместо того чтобы плавно поехать, задержался, трогаясь, останавливаясь и снова трогаясь.

С грохом пополам троллейбус выехал из ряда и медленно, дергаясь и постоянно останавливаясь, пополз к воротам. Тут-то ему наперерез и выскочил Петрович, отчаянно свистя в свисток и размахивая руками. Угонщика в свете фар сторож не видел, и от этого ему было еще страшнее – мало ли кто там в самом деле.

А троллейбус хоть и рывками, но пер на вохровца, не думая останавливаться. Петрович свистнул что есть силы, выронил свисток и заорал:

– Стой! Стоять! Куда?! Стой!

Троллейбус между тем перестал дергаться и, постепенно разгоняясь, приближался к закрытым решетчатым воротам. Он снес бы и ворота, и мечущегося возле них мужчину, если бы вдали не послышалась милицейская сирена и на мокрый асфальт не легли синие отблески мигалки.

Взвизгнули тормоза. Снаружи у ворот резко затормозили милицейские «Жигули» с включенным проблесковым маячком.

Петрович с невероятным облегчением кинулся к калитке, указывая выскочившим из автомобиля милиционерам на троллейбус:

– Вот он! – радостно орал вохровец, мстя за пережитый страх. – Вон там вот!

Шеин, заведя милицейскую машину и услышав сирену, испугался. Он вывернул руль, направляя троллейбус в сторону от ворот в неосознанной попытке уйти, уехать, убежать.

– Отъебитесь, твари! – шипел он себе под нос, крутя руль. – Пошли на хуй! Блядь!

Он яростно крутил руль, тщетно стараясь уйти от преследователей, но в свете фар мелькали то проклятый сторож, поднявший шум, то мильтоны, то стоящие в ряд троллейбусы. А потом из темноты вдруг сам собой выскочил фонарный столб.

Угонщик бросил руль, закрываясь от летящего на него препятствия. Троллейбус с грохотом врезался в фонарный столб и замер, усы его сорвались с направляющих, со свистом рассекая воздух. В кабине погас свет, и на парня обрушилась тишина.

– Немедленно остановитесь! Буду стрелять! – раздалась в этой тишине голоса милиционеров.

Но останавливаться Шеин не собирался, он выхватил нож, выбежал из кабины в салон троллейбуса и с прытью напуганного зайца побежал к задним дверям. Двери оказались закрыты. Шеин вставил нож между створок, отжал одну и буквально вывалился из троллейбуса наружу.

Он огляделся. Неподалеку темнели спасительные кусты. Сжимая в руке нож, угонщик устремился к ним, намереваясь уйти в темноту, но не успел добежать каких-то десять шагов. В спину ему ударил яркий свет фонаря, и злой голос рявкнул:

– Стоять!

Шеин застыл, словно букашка, в момент опасности прикидывающаяся мертвой, и медленно обернулся, прикрывая глаза рукой. В руке он по-прежнему сжимал нож.

В нескольких метрах от него стояли два милиционера. Один слепил в глаза фонарем, второй, с сержантскими погонами, целил в фигуру из пистолета.

– Нож брось! – рявкнул сержант.

– А? – испуганно обронил Шеин.

– Хуй на. Нож на землю, я сказал!

В свете фонаря Шеин боязливо присел на корточки, бережно положил нож на землю, распрямился, но не до конца – так и замер в полусогнутом состоянии. Он не мог сказать, что

его напугало больше – милиционер с пистолетом или нестерпимо яркий свет фонаря, но Шеину вдруг стало страшно.

– Я не виноват, – тихо пробормотал он. – Простите, я больше не буду.

– Бог простит, – сержант с выставленным перед собой пистолетом подошел ближе и отпихнул нож ногой.

Голос его звучал спокойно, но по всему было видно, что он тоже перенервничал. Не опуская пистолета, свободной рукой он схватил парня за шкирку и развернул к свету.

– Пьяный, что ли?

– А шо, нельзя?

Вместо ответа сержант коротко ударил Шеина в лицо. Тот вскрикнул, гулко треснулся головой о корпус разбитого троллейбуса.

Окончательно успокоившись, мужчина убрал пистолет в кобуру и кивнул напарнику:

– Игорь, нож его приberi, только осторожно, там пальцы, – и добавил резко и зло уже Шеину: – А ты давай, пошел! Ногами шевели, козлина!

Шеин втянул голову в плечи и в луче света милицейского фонаря засеменил к выходу из троллейбусного парка.

* * *

В отделении было не так страшно – тепло, светло, да и милиционеры поостыли, растеряв злость. Шеин не любил, когда на него злятся, зато ему нравилось быть в центре внимания, а сейчас внимание ему уделяли сразу несколько человек, причем солидных – в форме.

Шеин сидел у стола, шмыгал и утирал нос рукавом, подхихикивая, как подросток. Под глазом у угонщика наливался свежий синяк, но это его не трогало.

– Повторяю вопрос: зачем полез в троллейбусное депо? – голос лейтенанта, заполнявшего протокол, звучал устало.

– Надо было, значит, – хихикнул парень.

– Хорошо. А нож зачем?

– Надо... – протянул Шеин и добавил, снова зачем-то хихикнув: – Дверь вскрывать.

– Какую дверь?

– Любую. Всякую.

Между ними установился непонятный паритет. Лейтенанта утомляло идиотское поведение задержанного, все его ужимки и смешки. А Шеина отчего-то веселил допрос.

Вошел сержант, тот самый, который задерживал Шеина и подбил ему глаз.

– Зачем троллейбус завел? – продолжил лейтенант. – Пьяный?

Шеин исподлобья посмотрел на вошедшего сержанта. Но тот тоже выглядел теперь не страшно.

– Трезвый он, товарищ лейтенант, – поспешил объяснить сержант, – я проверял. Дурак просто.

Это прозвучало совсем уже весело, и Шеин радостно подхватил:

– Дуракам закон не писан, если писан, то не читан, если читан, то не понят...

– Заткнись! – с угрозой перебил Шеина лейтенант, хотя до конца веселой присказки оставалось всего ничего, мог бы и дослушать. – Заткнись и слушай сюда. Я тут с тобой всю ночь цацкаться не собираюсь. Последний раз говорю: рассказывай, как дело было, оформим как хулиганство, получишь пятнадцать суток плюс штраф и возмещение ущерба. Быстрее расскажешь, быстрее спать пойдешь.

Задержанный, продолжая улыбаться, оценивающе смотрел на лейтенанта. Нет, не страшный, смешной. Даже сейчас, когда сердитого изображает.

– Зачем тебе был нужен троллейбус, чудило с Нижнего Тагила? – подал голос от двери сержант.

Вот это уже был вопрос по существу. Шеин перестал улыбаться, подался вперед и сказал, доверительно глядя в глаза лейтенанту:

– Троллейбус нужен, чтоб в Москву ехать. Надо рассказать, что здесь творится.

– Бля-я-я... – с тоской протянул лейтенант. – Точно дурак. Ну, а что здесь творится-то?

– Детей в лесополосе убивают, – страшным шепотом поведал Шеин. – Надо товарищу Андропову рассказать, кто детей убивает.

Лейтенант отложил ручку, переглянулся с сержантом и спросил осторожно:

– И кто же, по-твоему... ну, детей убивает?

Ответ казался очевидным. Шеин откинулся на стуле и уверенно, даже гордо, сказал:

– Мы. Мафия.

– Ты чего плетешь, еблан? – с усмешкой спросил сержант. – Кто «вы»? Какая мафия? Мальчика у станции четвертого сентября тоже вы убили?

– И у станции мы убили, – гордо кивнул Шеин. – Ножом. И листьями засыпали.

Это сообщение заставило лейтенанта растеряться.

– Но зачем? – смешно спросил он.

– Чтобы товарищ Андропов увидел, как плохо у нас милиция работает, – широко улыбнулся парень.

Смешной лейтенант нахмурился, поднялся из-за стола и сделал какой-то знак сержанту. Шеин не успел сообразить, что значит этот знак. А в следующую секунду на его запястьях щелкнули наручники.

* * *

Начальника УВД по Ростовской области Александра Семеновича Ковалева разбудил телефонный звонок. Вернее, раздавшаяся в темноте противная трель телефонного звонка разбудила его жену, а уж она ткнула в бок Ковалева:

– Саш, звонят.

Не открывая глаз, Ковалев сел на кровати, еще не проснувшись толком, нашарил на тумбочке разрывающийся телефон. Поднял трубку, едва не выронил и, чертыхаясь, приложил наконец к уху.

– Да! Ковалев слушает.

В следующие несколько секунд Ковалев проснулся окончательно и бесповоротно. И было от чего.

– Саш, что там? – приподнявшись на локте, спросила жена, которой не было слышно слов, доносящихся из динамика.

Ковалев только отмахнулся и спросил в трубку:

– Это точно?! – затем выслушал ответ и коротко бросил: – Понял. Машину мне через полчаса. И вызовите Липягина.

Опустив трубку на аппарат, он встал и принялся поспешно одеваться.

– Ты можешь толком сказать, что случилось? – спросила жена.

– Все случилось, Света, все, – радостно возвестил Ковалев, впрочем, тут же снова сделался серьезным: – Так, ты шо лежишь как на пляжу? Завтрак мне, быстренько!

* * *

На ростовском городском рынке было многолюдно. Вдоль прилавков с товаром – овощами, фруктами, мясом, молочными продуктами – ходили покупатели, приценивались, ругались, спорили, торговались громко и со вкусом, как это умеют делать на русском Юге.

Среди покупателей, ничем не выделяясь, шел Чикатило в плаще и шляпе. Прилавки с продуктами его, кажется, не интересовали, и он свернул в ту часть рынка, которую принято называть барахолкой. Советская власть не поощряла частную торговлю, но на подобные барахолки, где простые граждане могли продать старые, ненужные вещи, одежду, обувь и предметы быта, закрывала глаза.

На барахолке было тише. Земляки – продавцы, прозванные так за то, что раскладывали товар прямо на земле, на фанерках, картонках или клеенках – терпеливо ждали покупателей. Среди торгующих Чикатило приметил симпатичного цыганенка лет десяти. Мальчонка вертелся возле своей матери-цыганки, крутил в руках кубик Рубика, быстро передвигая грани. Вокруг толпится народ – цыганка продавала дефицитные крышки для закатывания солений-маринадов, а они по осени нужны всем.

Чикатило подошел к цыганенку, с интересом разглядывая мальчика.

– Чего надо? – грубовато поинтересовался цыганенок, видя такой интерес к своей персоне.

– За сколько собираешь? – кивнул на кубик Чикатило.

– Крышка – десять копеек, – сердито отбрил незнакомого дядьку мальчонка. – Дешевле мамка не отдаст.

– При чем тут крышки, мамка... – досадливо вздохнул мужчина. – Я про другое. Я просто тоже собираю кубик Рубика, но пока получается медленно...

В голосе его звучал такой неподдельный интерес к собрату по сбору головоломок, что цыганенок поддался.

– По схеме надо, – авторитетно заявил он. – Тогда быстро.

– У меня была схема... – вздохнул Чикатило, – но потерялась куда-то. А у тебя есть?

– Ну, есть. И шо с того? Во, гляди, – мальчишка выудил из кармана замусоленную бумажку и тут же снова спрятал обратно. – Просто так не дам.

– А для пирамидки схема есть? – поинтересовался Чикатило.

– Какой еще пирамидки?

– Есть такая же головоломка, как кубик Рубика, только лучше – пирамидка. Новинка. Мне знакомый из Венгрии привез. Хочешь, поменяемся? Ты мне схему для кубика, а я тебе пирамидку?

Предложение было неожиданным. Цыганенок внимательно посмотрел на дядьку.

– Меняться...

– Она у меня на работе, – поспешно заговорил Чикатило, облизнув пересохшие вдруг губы, – тут рядом, возле парка. Два шага всего...

Мальчик смотрел на незнакомца в плаще. Вокруг шумели покупатели, где-то играла музыка, но все это происходило очень далеко, во внешнем мире, а Чикатило и цыганенок... Создавалось впечатление, будто они находятся внутри какого-то выделенного пространства, отделенные стеклянной стеной.

– Ну-у... – протянул цыганенок, – ладно, пошли!

Мужчина шагнул в сторону, жестом приглашая мальчика за собой. И цыганенок резво зашагал следом.

– Меня дядя Андрей зовут, – на ходу поделился Чикатило. – А тебя?

– Пашка, – отозвался мальчонка и тут же поправился: – Павел.

– Очень приятно, Павел, – Чикатило отечески потрепал цыганенка по плечу, шагая сквозь толпу.

И вдруг привычный шум барахолки прорезал резкий и зычный голос мамы-цыганки.

– Пашка! Ты куда пошел, сын мерина?! Я тебе что велела делать?

– Я на пять минут, по делу! – крикнул цыганенок, обернувшись на ходу.

– А крышки кто будет стеречь?! – возмутилась мать. – Твой вечно пьяный папаша? Ну-ка быстро назад!

Слыша это перекрикивание, Чикатило попытался уйти, однако мальчик уже не собирался отступать от задумки с обменом.

– Пошли быстрее! – он схватил мужчину за рукав плаща и потянул в сторону.

Но далеко уйти они не успели. Оставив крышки, цыганка с проворством нагнала незнакомца и преградила ему дорогу:

– Кто ты такой? Куда сына повел? Чего тебе надо?

Она буквально впивалась глазами в его лицо.

– Извините, мы просто хотели поменяться... – вежливо улыбнулся Чикатило.

И то ли от этой улыбки, то ли еще от чего лицо цыганки вдруг исказил ужас, будто она разглядела что-то невероятно страшное в глазах человека в плаще. Она не сказала больше ни слова. Молча подхватила своего сына на руки и, прижав к себе, как маленького ребенка, без оглядки бросилась прочь с рынка, забыв о своем крышечном бизнесе.

Воспользовавшись моментом, толпа быстро накинута на ящики, служившие цыганке импровизированным прилавком, и расхватала бесхозные крышки. Никто не обратил внимания на мужчину, затерявшегося в толпе.

* * *

В большом кабинете было не продохнуть. За столами устроились Кесаев, Горюнов, Ковалев, Липягин, еще несколько офицеров. Те, кому не хватило места, подпирали стены. Витвицкий приютился у двери. Во-первых, отсюда он видел всех, во-вторых, здесь, прислонившись к стене, стояла Ирина Овсянникова, находиться рядом с которой ему отчего-то было приятно.

В центре кабинета, за отдельным столом, сидел Шеин. Перед ним стоял микрофон, длинный шнур которого тянулся к большому катушечному магнитофону. Парень довольно улыбался, внимание большого количества людей было ему лестно, а микрофон, казалось, делал его похожим на артиста, певца или юмориста.

– Ну что, товарищи, все в сборе, можно начинать, – сказал Ковалев и повернулся к Липягину: – Эдуард Константинович, команду!

Липягин сел напротив Шеина:

– Задержанный Шеин, сейчас будет произведен ваш предварительный допрос под магнитофонную запись. Вы готовы повторить свои показания?

– А чего не повторить? Конечно, повторю! – Шеин вдруг резко убрал улыбку с лица и грозно добавил: – Я так повторю, что...

– Достаточно, – оборвал Липягин и кивнул офицеру, сидящему возле магнитофона: – Хруленко, давай.

Офицер щелкнул кнопкой, катушки магнитофона пришли в движение.

– Итак, задержанный Шеин, что вы делали четвертого сентября днем? – начал Липягин.

Ковалев с едва заметной полуулыбкой на лице наблюдал за Кесаевым. Московский следак по особо важным сосредоточенно разглядывал парня. Что ж, пусть поглядит.

Шеин, будто артист со сцены, обвел взглядом собравшихся зрителей. Откашлялся, словно перед выступлением, и заговорил солидно и серьезно:

– Мы утром поехали на станцию... Как ее? Пригородная, вроде. Да, точно, Пригородная. Там увидели мальчика... – не выдержав серьезного тона, он вдруг захихикал, – мальчика-с-пальчика...

– Шеин, не паясничайте! – осадил Липягин. – Дальше!

– А что «дальше»? Дальше мы заманили его в лесополосу возле платформы, – засуетился задержанный, понижая голос.

– Для чего?

– Чтобы убить, – сказал он совсем тихо.

– Громче!

– Мы его заманили и убили! – громко произнес Шеин, и в кабинете повисла гробовая тишина. Слышно было только, как жужжит моторчик магнитофона и с шелестом вращаются катушки.

– Шеин, вы осознаете, что говорите? – спросил Липягин.

– Конечно! – задержанного понесло, он заговорил теперь бойко, громко и без намека на сомнение. – Мы еще всяких других детей убивали... Ножамы тыкали, чтобы кровью истекли... Чтобы все узнали! Чтобы товарищ Андропов узнал!

– Падла какая! – не выдержал кто-то из оперативников, и этот возглас сработал как спусковой крючок.

– Да не может быть...

– Он бухой, что ли?

– Может, это розыгрыш? – загомонили офицеры.

Кесаев хлопнул по столу ладонью, призывая к порядку, и тихо, но внятно произнес:

– Что было с собой у мальчика?

В кабинете снова наступила тишина. Витвицкий понял, чего добивается полковник. Это же момент истины. Если Шеин сейчас точно укажет, что было у мальчика, станет понятно, что он и есть настоящий убийца.

Шеин лениво почесался, криво ухмыльнулся и нехотя вытянул руку. По предплечью его с внутренней стороны тянулась кривая воспаленная царапина.

– Удочка у него была! Эта... из бамбука! Вона, я руку об нее поцарапал, блядь!

Вновь зазвенела тишина. Со своего места поднялся Ковалев:

– Так, товарищи! Предварительный допрос закончен. Гражданин Шеин, вы подозреваетесь в умышленном убийстве. Вы арестованы, – он кивнул стоящим за спиной задержанного офицерам: – Уведите и оформите. Дальнейшие следственные действия будут производиться в предусмотренном законом порядке.

Конвой вывел Шеина. Тихо переговариваясь, потянулись за дверь офицеры. Только потрясенный Хруленко сидел и тупо глядел на вращающиеся катушки так и не выключенного магнитофона.

Ковалев повернулся к Кесаеву:

– Тимур Русланович, пойдете ко мне, нам есть о чем поговорить...

Вслед за Ковалевым Кесаев задумчиво вышел в коридор, там к нему протиснулся Витвицкий:

– Тимур Русланович, тут что-то не так!

Кесаев поглядел на капитана. Рядом стоял Ковалев с всепонимающей ухмылкой победителя. И эта ухмылка отчего-то разозлила следователя куда больше, чем не знающий субординации выскочка-психолог.

– Вы все слышали своими ушами, капитан, – сухо отозвался Кесаев, развернулся и пошел прочь, оставив Витвицкого растерянно стоять посреди коридора.

* * *

Ковалев распахнул дверь своего кабинета, отступил, любезно пропуская Кесаева вперед. Теперь можно и любезность проявить, решил он, недолго москвичам здесь оставаться, на нервы действовать и под ногами путаться.

– Вот видите, Тимур Русланович, как оно бывает. Вы удачу приносите. Присаживайтесь.

Кесаев сел, нахмурился. Понятное дело – возглавил межведомственную группу, приехал ростовских коллег жизни учить, а ростовчане оказались и сами с усами.

Полковник прошел к шкафу, достал бутылку коньяка «КВВК» и пару рюмок. Поставил на стол.

– Ну, теперь-то вы выпьете за наш успех?

– Я бы не торопился говорить об успехе, – произнес Кесаев.

– Это вы специалиста своего наслушались? – уточнил собеседник, откупоривая бутылку. Янтарный коньяк побежал по рюмкам.

– Буду откровенен, к мнению капитана Витвицкого я отношусь не менее скептически, чем вы, – следователь казался непроницаемым. – Но у нас с вами, Александр Семенович, практически ничего нет.

– У нас есть предварительное чистосердечное признание, – Ковалев загнал пробку обратно в горлышко, отставил бутылку и расслабленно опустился в кресло.

– Сегодня он дал признание, завтра от него открестится.

Полковник усмехнулся:

– Тимур Русланович, не отрицайте очевидного. Этот Шеин назвал деталь, которую мог знать только убийца. Или вы сомневаетесь?

– Одна деталь погоды не делает. Нужны улики. Свидетельские показания. Данные экспертизы. Да что я вам рассказываю...

Ковалев с тоской посмотрел на полные рюмки:

– Улики? Будут вам улики. Нож Шеина уже в лаборатории. Вы, главное, когда будете отчеты в Москву писать, не забудьте отметить, что убийца был взят местными органами.

– Вы слишком торопитесь, Александр Семенович.

Мужчина не успел ответить, разговор оборвал стук в дверь. На пороге стоял запыхавшийся Липягин.

– Разрешите, товарищ полковник!

– Что случилось? – недовольно спросил Ковалев.

– Шеин подельника сдал! – отрапортовал Липягин.

Ковалев с превосходством посмотрел на следователя.

– Тороплюсь? – поинтересовался Ковалев, уже откровенно улыбаясь. – Как говорится, куй железо, пока горячо!

– Мы проверили, – с азартом продолжил Липягин, – это некто Жарков Юрий Петрович, шестьдесят третьего года рождения. С Шеиным Жарков на самом деле знаком очень близко и давно. Одна шайка-лейка... Они вместе воспитывались в Первомайском детском доме – интернате для умственно отсталых.

– Будем брать, направляй опергруппу, – кивнул Ковалев.

* * *

Молодой парень, одетый в дешевые, вытертые на коленях штаны от рабочей спецовки и синюю болоньевую куртку явно с чужого плеча, присел на корточки у сложенного из закопченных кирпичей импровизированного очага.

Место было тихое, глухое – гаражи на окраине города. Заросли американского клена, бурьян, кирпичные стены, ржавое железо. Где-то далеко лаяла собака, и была слышна музыка, долетавшая из городского парка.

Фамилия парня была Жарков, и именно о нем говорил майор Липягин в кабинете Ковалева.

Натолкав в сложенный из кирпичей очаг ветки и обломки досок, Жарков достал короб спичек, чиркнул раз, другой. Спички ломались, гасли, упорно не желая поджигать костер. Жарков шепотом матерился, психовал, пинал стену гаража, но в конце концов у него получилось зажечь кусок старой газеты. Завороженно понаблюдав за язычками пламени, пожиравшими желтую бумагу, он сунул газету в мешанину веток и досок, отступил на шаг и плеснул туда бензин из консервной банки. Вспыхнувший огонь озарил лицо Жаркова, его заблестевшие глаза, странную, потустороннюю улыбку. Радостно потирая руки, Жарков даже начал приплясывать у огня, словно жрец какого-то языческого культа.

Когда костер разгорелся в полную силу, Жарков вытащил из огня горящую ветку, помаhal ею в воздухе, чтобы сбить пламя, и начал нюхать идущий от ветки дым. Видимо, запах дыма напоминал ему о чем-то приятном. Жарков отошел в сторону, уселся на старую, изрезанную перочинными ножами скамейку, снова понюхал тлеющую ветку и закрыл глаза.

– Жарков Юрий Петрович? – суровый мужской голос, прозвучавший совсем рядом, заставил Жаркова вздрогнуть и открыть глаза.

Перед ним стояли двое оперативников, в стороне замерли трое милиционеров.

Жарков нахмурился, легко поднялся со скамейки, выставил перед собой тлеющую ветку, как шпагу, и вскинул свободную руку, словно заправский мушкетер, соратник Атоса, Портоса и Арамиса.

Немолодой уже опер покачал головой:

– Не дури.

Жарков угрожающе взмахнул веткой. Второй оперативник пытался зайти сбоку, но парень оказался на удивление ловким. Он швырнул во второго мужчину тлеющую ветку, вскочил на лавочку, перепрыгнул через спинку и бросился бежать.

Оперативники и милиционеры кинулись следом.

Жарков бежал с невероятной скоростью, причем зигзагами. Преследующие гнали его по двору, но всякий раз, когда казалось, что они вот-вот схватят парня, в последний момент он делал финт и уходил от преследования.

Пожилому оперу первому наскучила эта коррида.

– Стой! Стрелять буду! – крикнул он, достал «макаров» и передернул затвор.

Услышав это, Жарков кинулся в сторону, проскочил между двух милиционеров и выбежал со двора. Все бросились за ним. Внезапно послышался собачий лай – и тут же истошный крик убегающего.

Преследователи выбежали на улицу и остановились в удивлении. Жарков стоял, вжавшись спиной в стену дома, и тонко визжал. Его обнюхивала крупная собака. В нескольких шагах стояла ошалевшая не меньше милиции собачница с поводком в руке.

Первым в себя пришел пожилой опер.

– Уберите собачку, – сказал он хозяйке и взял Жаркова за плечо. – Гражданин Жарков, вы задержаны по подозрению в совершении тяжкого преступления.

* * *

Следующим утром в том же кабинете, где допрашивали Шеина, вновь закрутились бобины магнитофона – шел допрос Жаркова. Задержанный любитель костров с настороженностью смотрел на магнитофон, то и дело бросая испуганные взгляды на собравшихся в кабинете.

– Гражданин Жарков, вы знакомы с гражданином Шеиным? – спросил Ковалев.

Услышав знакомую фамилию, Жарков чуть расслабился, даже улыбнулся и кивнул.

– Да. Мы давно с ним дружим.

– Шеин арестован по подозрению в убийстве несовершеннолетнего Игоря Годовикова. Он показал, что вы с ним вместе совершили убийство. Это так?

Жарков на секунду задумался. Это выглядело так, будто у робота отключили электропитание, отметил про себя стоявший у дверей Витвицкий.

– Да, мы вместе, – кивнул задержанный.

Капитан нахмурился. Слишком уж легко и просто Жарков признался в страшном преступлении. Зато Ковалев, напротив, воодушевился.

– Задержанный Жарков, вы вместе совершили убийство в лесополосе возле станции?

– Да, в лесополосе, – кивнул Жарков. – Где электрички. Да, точно. Где электрички.

Ковалев, наклонив голову, украдкой бросил торжествующий взгляд на Кесаева, затем задал новый вопрос:

– Гражданин Жарков, вы отдаете себе отчет, в чем сейчас признаетесь?

Жарков обвел взглядом кабинет. В кабинете стояла звенящая тишина. Все взгляды были устремлены на него. От такого внимания задержанный воодушевился, вскинул голову, откашлялся и громко, так, чтобы было слышно каждому, произнес:

– Мы убили мальчика. Да. За железной дорогой.

– Каким образом вы его убили? – продолжил допрос полковник. – Вы зарезали его ножом?

– Ножом, – уверенно сказал Жарков. – Большим ножом.

– Остановите запись! – внезапно вмешался Витвицкий. – Так нельзя!

Кесаев, Ковалев, Липягин, Горюнов и другие, как по команде, посмотрели на Витвицкого. Ковалев кивнул офицеру у магнитофона, тот выключил запись.

– Выведите его в коридор, – с трудом сдерживая злость, указал Ковалев оперативникам на Жаркова.

Едва за Жарковым и сопровождающими закрылась дверь, Кесаев, опередив разъяренного Ковалева, резко спросил у Витвицкого:

– Что случилось, Виталий Иннокентьевич?

– Так нельзя, – повторил тот и повернулся к Ковалеву: – Вы некорректно ставите вопросы, Александр Семенович. Вы же его провоцируете!

В разговор вмешался Липягин:

– Капитан, ты в своем уме? Ты кого учишь?

Ковалев, погасив гнев, негромко, но веско произнес:

– Даже если формулировка не точна, суть от этого не меняется. Они оба дают признательные показания. И Шеин, и Жарков. Добровольно. Без принуждения. И независимо друг от друга. Так?

– Так, но... – начал Витвицкий и посмотрел на Кесаева. – Вы же понимаете, о чем я, Тимур Русланович?

– Александр Семенович прав, – ответил следователь. – Вы же их слышали, Витвицкий. И они действительно говорят одно и то же.

– Они оговаривают себя!

– Из чего вы делаете такие выводы, капитан? – Ковалев потянулся за сигаретами. Липягин тут же щелкнул зажигалкой.

– По совокупности... Я не могу доказать, но... я уверен, – сказал психолог, но как раз уверенности в его голосе и не было.

– В чем вы уверены, товарищ капитан? – Кесаев тоже повысил голос, чувствовалось, что его раздражает этот разговор. – Я вот не уверен в вашей профпригодности. Ни один человек не станет с радостной улыбкой брать на себя убийство ребенка. Зверское убийство.

– Вы мыслите в парадигме психологии взрослого, трезвомыслящего человека, – упрямо стоял на своем Витвицкий, – но...

– Достаточно, Виталий Иннокентьевич! – перебил его Кесаев. – Я думаю, будет полезнее, если допрос мы продолжим без вашего участия. Вам будут предоставлены записи.

Витвицкий вскинул голову, мрачно посмотрел на своего непосредственного начальника.

– Покиньте кабинет, – приказал следователь.

Сгорбившись, Витвицкий вышел.

В коридоре он нос к носу столкнулся с ожидающим там под конвоем Жарковым. На пару мгновений они встретились глазами, после чего Жаркова завели обратно в кабинет и Витвицкий остался один. Постояв, он пошел к лестнице.

– Подождите, Виталий Иннокентьевич, – раздался за спиной Витвицкого голос Овсянниковой. Она выбежала в коридор и двинулась следом за капитаном.

Сделав еще несколько шагов, Витвицкий остановился.

– Ирина, если вы решили меня пожалеть, это совершенно излишне.

Подошедшая старший лейтенант удивленно посмотрела на московского гостя.

– Нет. Просто... – она сделала паузу. – Просто я считаю, что вы правы!

Витвицкий замялся, не зная, что сказать.

– Пойдемте на воздух, – наконец предложил он. – Тут душно...

Они вышли на улицу и пошли, медленно удаляясь от тяжелой, серой громады здания УВД.

– Я знаю этот интернат. У меня бабушка там работала, – рассказывала Овсянникова.

– А кто ваша бабушка?..

– Педагог. В прошлом году на пенсию ушла. Но это неважно. Я знаю интернат, знаю его воспитанников. Это же не психушка. Они не буйные. Просто у них отставание в развитии.

– Это называется олигофрения, – кивнул Витвицкий.

Овсянникова пожала плечами.

– Наверное, но они безобидные. Просто они как дети. Знаете, дети, бывает, рассказывают всякое. Но им же никто не верит.

– Дети не признаются в убийствах, – возразил Витвицкий.

– Но вы же сами сказали, что они наговаривают на себя!

– А еще я сказал, что не могу этого доказать, – вздохнул капитан.

– Неужели нет способа? – спросила Овсянникова.

Витвицкий посмотрел на нее, смутился, но все же принял решение и сказал, глядя в глаза девушки:

– Можно попробовать... Но мне понадобится ваша помощь.

* * *

Тихо гудел работающий магнитофон, крутились с легким шорохом бобины. Сидящие в кабинете люди мрачно смотрели на Жаркова, а он, уже полностью раскрепостившись, жестикулировал, улыбался или, наоборот, хмурился, в общем играл лицом, рассказывая все новые и новые подробности:

– ...Девочку мы убили в парке Авиаторов. Она дурочкой была.

Ковалев наклонился к Кесаеву, тихо сказал, поясняя:

– Ирина Дунькова тринадцати лет была убита в парке Авиаторов летом. Тело нашли не сразу. Страдала умственной отсталостью.

– А еще раньше мы машину угнали, – почти кричал Жарков. – «Москвич». Такого цвета... как обложка на паспорте. Красивый. Мы на нем в Днепропетровск поехали. Там тоже убили. Двух девочек. Ножом.

Магнитофон со щелчком остановился – закончилась пленка. Освободившаяся бобина завертелась вхолостую.

Ковалев приказал конвойному:

– Уведи его. И давай сюда второго. То есть первого... Черт! Шеина!

Явно довольного собой и оказанным ему вниманием Жаркова увели.

– Что за две девочки? – спросил Кесаев.

Полковник, опустив голову, еле слышно ответил:

– Не знаю. Будем проверять.

Он повернулся к Липягину:

– Эдик... Эдуард Константинович, сделай запрос в Днепропетровск.

– Считайте, что уже, товарищ полковник! – заверил его Липягин.

Вернулся офицер, уводивший Жаркова. На его лице читалась растерянность.

– Я же сказал привести Шеина! – рявкнул Ковалев.

Офицер развел руками:

– Извините, товарищ полковник. Арестованного Шеина забрали для проведения следственного эксперимента.

Ковалев побагровел.

– Какого эксперимента? Кто забрал?

– Старший лейтенант Овсянникова...

– Идиотка своевольная! – не сдержался мужчина.

– Ну и дисциплинка у вас, Александр Семенович, – хмыкнул Кесаев.

– ...И еще с ней поехал капитан Витвицкий, – добавил офицер.

На этот раз изменился в лице Кесаев. Ковалев только криво ухмыльнулся.

* * *

В лесополосе у платформы вновь стало многолюдно – за деревьями стояли милицейские машины, было выставлено оцепление, чтобы оттеснить собравшихся зевак.

– Граждане, расходимся, – в сотый, должно быть, раз повторял усатый милиционер. – Здесь не происходит ничего интересного. Обычные следственные действия.

В стороне, там, где был обнаружен труп мальчика, стояли Витвицкий и Овсянникова. Шеин безошибочно привел их к разворошенной куче листьев.

– Здесь вот. В листьях, – кивнул Шеин в сторону кучи.

– А удочку вы где бросили? – спросил Витвицкий.

– Какую удочку? – не понял подозреваемый.

– На допросе вы сказали, что у мальчика была удочка. Вы об нее руку оцарапали.

Шеин задумался и кивнул.

– А, удочка. Она тоже из листьев торчала. Я полез посмотреть и оцарапался.

– Что посмотреть? – быстро спросила старший лейтенант.

– Как это чего? – не понял Шеин. – Что там в листьях лежит.

Витвицкий и Овсянникова переглянулись.

К толпе зевак подошел Чикатило в пальто и шляпе, с портфелем в руке.

– Что-то случилось? – спросил он у усатого милиционера.

– Ничего не случилось, – устало сказал он. – Следственный эксперимент. Проходим мимо, граждане.

Зеваки прислушивались к их разговору.

– Это из-за убийства? Здесь ведь мальчика убили? – поинтересовался Чикатило как ни в чем не бывало.

– А вы откуда знаете? – милиционер внимательно посмотрел в его лицо.

– Так все говорят, – мужчина кивнул на толпу зевак.

Люди закивали, подтверждая его слова. Чикатило посмотрел на стоящих возле кучи листьев Витвицкого и Овсянникову.

– Так! Ну-ка немедленно очистили территорию! – разозлился милиционер и крикнул напарнику: – Савчук! Гони всех отсюда!

Савчук с противоположной стороны поляны двинулся на зевак. Люди начали расходиться, переговариваясь.

– Извините, – Чикатило попятился.

– Идите, идите... Нечего тут смотреть, – буркнул усатый.

Чикатило развернулся, не спеша пошел в сторону платформы, бросив на прощание еще один взгляд на Витвицкого и Овсянникову. Психолог вздрогнул, как от укола, обернулся, но не заметил никого, достойного внимания.

Следственный эксперимент закончился. Милиционеры надели на Шеина наручники, посадили его в желтый милицейский «бобик». За лесом раздался гудок, и секундой позже накатил грохот проходящей электрички, постепенно затих, зашипели открывающиеся двери.

Витвицкий поежился, посмотрел на автомобиль, но взгляд его все время возвращался к куче листьев. Овсянникова достала сигареты, зажигалку, попыталась прикурить, но зажигалка не работала. Девушка вопросительно посмотрела на Витвицкого. Тот развел руками, извинительно улыбнулся.

– Простите, не курю.

Овсянникова с досадой сунула сигарету в карман, вздохнула:

– Ладно, здоровее буду. Что думаете по поводу Шеина?

– Товарищ старший лейтенант, когда поедем? – крикнул водитель.

– Подожди пять минут! – ответила Овсянникова.

Витвицкий молчал, ковырял носком ботинка опавшие листья. Девушка внимательно смотрела на него, ждала, вертя в руках бесполезную зажигалку. Невидимая за деревьями электричка снова дала гудок, тронулась и загремела, набирая ход. Наконец капитан собрался с мыслями:

– Этот человек... Шеин этот... У меня нет ни малейшего сомнения, что он действительно был тут, на этом вот месте. Но я не представляю, чтобы он мог изнасиловать и убить... Ребенка, вы понимаете? Я психолог, я изучал типы личностей... Хладнокровно втыкать нож... Глаза выкалывать... Нет, невозможно!

Овсянникова грустно улыбнулась, но тут же согнала с лица улыбку.

– Вы, Виталий Иннокентьевич, видимо, мало работали с живыми преступниками, – с грустью в голосе сказала она. – Попадают такие экземпляры... Один родную бабушку задушил шнуром от утюга за пенсию – выпить хотел, а денег не хватало. Так он нам на следствии в глаза песни пел, что любил ее с детства, рассказывал, как они кроликов вместе кормили...

Витвицкий недоуменно вскинул взгляд на Овсянникову.

– Позвольте, Ирина, но вы же сами говорили... про интернат и про то, что он...

– Я теперь уже ничего не понимаю, – вздохнула старший лейтенант. – Вы правильно сказали – он тут был. Он указал, где тело, показал, как они шли от станции. Уточка еще эта проклятая...

– А нож? – воскликнул Витвицкий. – У нас еще нет заключения экспертизы, что нож Шеина был орудием преступления. И от станции тут только одна тропинка, больше идти негде.

– Нож, которым убивал, он мог выкинуть... Но главное – признательные показания! Он же сознается во всем! Сам охотно все рассказывает! – Овсянникова тоже повысила голос.

– Вот это меня и настораживает больше всего, – неожиданно тихо проговорил психолог. Подошел милиционер, со страдальческим лицом обратился к Овсянниковой:

– Товарищ старший лейтенант, ну поехали, а? Пока сдадим, пока оформим...

– Вася, не гунди, – раздраженно сказала Овсянникова, посмотрела на Витвицкого в надежде на продолжение разговора, но, наткнувшись на его задумчивый взгляд, поняла, что московский коллега углубился в свои мысли, и махнула рукой. – Ладно, едем.

Милиционер радостно побежал к машине, указывая на бегу водителю, чтобы тот садился и заводил. Овсянникова и Витвицкий двинулись следом.

Часть II

По улице двигалась похоронная процессия. Хоронили Игоря Годовикова, убитого в лесополосе у станции. Впереди шел человек с траурной повязкой на рукаве. В руках он нес фотографию улыбчивого мальчишки в черной рамке. Следом медленно ехал бортовой грузовик, декорированный еловыми ветками, в кузове его стоял закрытый гроб, вокруг сидели безутешные родственники. За грузовиком шли несколько десятков человек родных и близких.

В кузове убивалась, давясь рыданиями, несчастная мать, ее пытались успокоить, но куда там... Рядом сидел с окаменевшим лицом, глядя невидящими глазами куда-то в пространство, потрясенный отец.

Люди на улице, случайные прохожие, останавливались, снимали головные уборы, тихо переговаривались. На лицах людей читались грусть и испуг.

Похоронная процессия медленно прошествовала мимо ворот объединения «РОСТОВ-НЕРУД», возле которых стояли и курили несколько сотрудников разных возрастов – пожилые люди и молодежь. Чуть в стороне от них стоял и смотрел вслед удаляющейся процессии Чикатило, трудившийся в этой конторе на скромной должности снабженца.

Случайные свидетели траурного шествия стали расходиться, остались лишь курильщики у ворот «РОСТОВНЕРУДА».

Водитель средних лет, с обветренным лицом и колючими глазами, затаился и спросил:

– В закрытом гробу хоронят. Знаете, почему, бля?

Не дожидаясь ответа, он сплюнул и ответил на свой же вопрос:

– Они пацану глаза выкололи, суки. Прикиньте, мужики, пацану, совсем сопливому еще...

Пожилый, седенький бухгалтер со вздохом пробормотал:

– Мне жена утром сказала: «Слава богу, что у нас дети выросли». Мол, если бы были маленькими, тоже могли бы попасться этим сектантам.

– Почему вы решили, что это обязательно сектанты, Федор Дмитрич? – удивился стоящий рядом молодой инженер.

– А кто еще? Нормальный человек на такое не пойдет. Изнасиловать, выколоть глаза... Это ужас!

Инженер нахмурился:

– А немцы? Немцы во время войны и не такое творили!

Водитель докурил, щелчком вогнал окурки в урну и вмешался:

– Не немцы, а фашисты, бля! Чуешь разницу? И то война была, понимать надо. У нас вот бабы говорят в диспетчерской, шо они специально малых убивают.

– Почему? – не понял инженер.

Чикатило, внимательно прислушивавшийся к разговору, подошел ближе.

– У детишек все органы внутренние здоровые, понятно вам? – объяснял водитель. – Вот они эти органы и вырезают, бля, а потом за границу везут в специальных таких чемоданчиках со льдом. Там, говорят, за одну только почку сто тысяч долларов платят, бля.

– И куда потом те органы? – тихо спросил бухгалтер.

– А то непонятно? Пересаживают тем, у кого денюжки водятся. Ну, банкирам там, актерам известным, президентам всяким, бля, – уверенно ответил мужчина.

– Это что же, целая преступная группа, получается? – не то спросил, не то утвердился в мысли инженер.

– А ты как думал? – повернулся к нему водитель, доставая новую сигарету. – Группа, факт. Только не преступная уже, а вражеская, понял? Иностранцы, диверсанты, суки. Прячутся

где-то и подкарауливают ребятню возле лесополосы, бля. Особенно тех, кто без родителей. Конфеткой там поманят или щенка станут предлагать.

Водитель заметил подошедшего Чикатило, протянул руку.

– О, Романыч! Здорово! А ты шо думаешь?

Тот пожал протянутую руку, спросил на всякий случай:

– Про шо?

– Да про убийства малых в лесополосах. Вон пацана повезли, видал? – кивнул мужчина вслед похоронной процессии. – В закрытом гробу.

Все заинтересованно посмотрели на подошедшего. Чикатило проводил глазами уже далеко уехавший грузовик и идущих за ним родственников, вдруг стал словно меньше ростом, пожал плечами.

– Не знаю... Может, и диверсанты... Партизаны какие-то...

– Но вот, допустим, я ребенок – зачем я пойду с чужим человеком в лес? – кипятился тем временем инженер.

– Романыч, ты вроде ж в школе работал, как там, разве детей не учат, что с кем попало ходить не нужно? – снова спросил у Чикатило водитель.

– Конечно, учат, – на этот раз уверенно ответил тот, но тут же добавил: – А если человек добрый?

– Кстати! – вдруг, будто припомнив, повысил голос бухгалтер. – Мне же зять утром только рассказал, у них есть подозреваемый!

– У кого – у них? – спросил инженер.

– Зять в милиции работает, – начал объяснять бухгалтер. – Интернат для дуриков знаете? Ну так вот, парень, обычный, учился в этом интернате – и вдруг признался, что это он мальчика за станцией ножом запирал.

Чикатило с интересом слушал, подавшись вперед и буквально впившись глазами в старичка-бухгалтера.

– погоди, Дмитрич, у тебя ж зять водила, мы вместе на курсах были, – перебил говорившего водитель.

Бухгалтер кивнул.

– Так он теперь в милиции водителем и работает. На «бобике». Он этого парня с интерната возил на место, ну, где убийство.

– Зачем? – заинтересованно спросил Чикатило.

– На следственный эксперимент, – важно пояснил старичок. – Чтобы тот показал, где и как убивал. В милиции всегда следственные эксперименты проводят.

– Ну и шо, показал? – снова спросил Чикатило.

– А как же. Все указал – где тело лежало, куда удочки сломанные сунул... – бухгалтер для достоверности даже сделал какие-то движения руками.

– От же ж сука, бля! Тварь паскудная! – взорвался водитель. – Удочки он указал... Ребенка ножом! Ну как можно?! Своими бы руками удавил пидораса! – он повернулся к Чикатило, ища поддержки: – Верно я говорю, Романыч?

– Конечно, – уверенно кивнул тот. – Детей трогать нельзя. Они – наше будущее. И удочки жалко... У меня такие в детстве были. Ладно, мужики, я пошел, работа ждет.

Чикатило пошел к проходной. Разговор у ворот продолжился уже без него.

* * *

Вечером того же дня в кабинете, выделенном в ростовском УВД для московской группы, собрались Кесаев, Горюнов и остальные варяги, как их называли в управлении. Обсуждали сложившуюся ситуацию и планы на будущее.

– Итак, товарищи... – Кесаев прохаживался по кабинету мягкой походкой хищника. – Уже можно подводить какие-то итоги нашей работы, но итоги эти, мягко говоря, невыразительные.

– Что вы имеете в виду, Тимур Русланович? – не понял Горюнов. – По-моему, мы очень здорово продвинулись, в первую очередь благодаря местным товарищам. Эти два друга-с-перепуга, Шеин и Жарков, поют как соловьи, один залиvistее второго...

– Товарищ майор! – внезапно рассердился следователь. – Смените-ка тон. Мы тут не анекдоты в курилке травим!

Наступила тишина. Кесаев в упор посмотрел на Горюнова, тот не выдержал, неловко улыбнулся, отвел глаза.

– Тимур Русланович, а в чем вы сомневаетесь? – подал голос один из московских оперов.

– Не знаю... – после долгой паузы ответил мужчина. – Но интуиция подсказывает, что тут все ой как непросто. Поэтому от намеченного плана действий мы пока отказываться не будем.

Он снова прошелся по кабинету – от окна к двери и обратно – и спросил у другого опера:

– Игорь, что там по запрошенным делам?

– Они в архиве, товарищ полковник. Начальник архива сказал, что у них свободных людей нет и мы должны выделить человека для работы.

Кесаев кивнул.

– Понятно. Будет им человек.

* * *

Усталые Витвицкий и Овсянникова шли по коридору, негромко переговариваясь.

– Я бы кофе сейчас выпила. Большую чашку... – сказала Овсянникова, украдкой бросив взгляд на своего спутника.

Витвицкий молчал, по-прежнему пребывая в себе, в своих мыслях. Девушка поняла это, переключилась на деловой тон:

– Что мы будем делать дальше?

– А вы что думаете? – откликнулся Витвицкий.

– Если честно, у меня теперь нет сомнений, я уже говорила, – устало сказала девушка. – Я только хочу понять – зачем? Этот Шеин, он же не злой, он просто глупый и сильный. Может на танцах подражаться или калитку сломать, но чтобы ребенка ножом, да еще вот так...

– Я изложу свои соображения в аналитической записке, – твердо сказал Витвицкий. – Здесь масса нестыковок.

– Да какие нестыковки, господа! Он же сам признался... – воскликнула Овсянникова.

Распахнулась дверь, в коридор выглянул заместитель Ковалева Липягин. Он явно услышал голос старшего лейтенанта.

– Овсянникова! Ира! Зайди к шефу, он тебе пару ласковых хотел сказать.

Дверь закрылась. Овсянникова остановилась, повернулась к психологу:

– Ну вот, уже доложили... Кофе так и так накрылся бы... Ладно, пойду на ковер получать втык от начальства.

– За что?! – удивился Витвицкий.

– У нас инициатива наказуема, – грустно улыбнулась Овсянникова. – Впрочем, наверное, как и везде.

– Это какой-то пещерный бюрократизм, – возмутился Витвицкий. – Офицер, особенно в уголовном розыске, это самостоятельная мыслящая единица!

– Что-то я сомневаюсь, – усмехнулась Овсянникова. – Ладно, спасибо вам за поддержку, Виталий. Всего доброго.

Она ушла. Мужчина остался один, двинулся дальше и неожиданно столкнулся с вышедшим из-за угла Кесаевым.

– Здравствуйте, товарищ полковник...

Кесаев, окинув подчиненного хмурым взглядом, подхватил его под локоть и буквально потащил за собой.

– Ну-ка, пойдём, разговор есть...

Втолкнув Витвицкого в кабинет, Кесаев плотно закрыл за собой дверь.

– Товарищ полковник... – начал было Витвицкий, но Кесаев резко оборвал его:

– Сядь!

Тот послушно сел за стол.

– Скажи мне, капитан, с какой целью мы сюда приехали? Ну?! – загремел Кесаев, давая выход накопившемуся раздражению.

Витвицкий под напором Кесаева стушевался, опустил голову.

– Не слышу!

Витвицкий вскинулся, встал, как на уроке, заговорил, заметно волнуясь:

– Товарищ полковник, прекратите тыкать! Я бы попросил вас обращаться ко мне на «вы»!

Это первое!

– Ух ты. А есть и второе? – в голосе следователя слышалась насмешка.

– Я понимаю вашу иронию, но есть! – голос Витвицкого зазвенел. – И третье, и четвертое.

Следственный эксперимент...

– Прошел неудачно?

Витвицкий на мгновение сбился с мысли.

– Нет, почему... Подозреваемый указал место... – внезапно он буквально закричал, перебив сам себя. – Но я считаю, что это все неправильно!

Кесаев зло рассмеялся.

– Ах, вот как. Вы считаете...

– Да, я считаю! – запальчиво воскликнул капитан. – И я докажу...

– Молчать! – рявкнул вдруг Кесаев так, что мужчина буквально рухнул на стул. Он явно не ожидал столь грозного окрика.

– Вот что, капитан, – продолжил Кесаев на этот раз тихим, усталым голосом. – От нашей группы нужен человек, чтобы работать в архиве по старым делам. Я назначаю этим человеком тебя.

– В архив? Но... – растерялся Витвицкий. – Почему я? Почему... я не специалист...

– Капитан Витвицкий, вам ясен приказ? – официальным тоном спросил Кесаев.

Витвицкий несколько мгновений с тоской и неприязнью смотрел на начальника, потом понуро кивнул.

– Опять не слышу, – Кесаев не отступал. – Капитан Витвицкий?

– Так точно, товарищ полковник... – обреченно пробормотал тот.

– Еще одна самодеятельная выходка навряд ли этого вашего следственного эксперимента, и вы отправитесь в Москву с формулировкой «профнепригоден», – добил подчиненного Кесаев. – А пока шагом марш в архив! Свободны.

Витвицкий поднялся, сгорбившись, словно провинившийся ученик, и шаркающей походкой двинулся к дверям. На половине пути он вскинул голову, собираясь все же что-то сказать, но, наткнувшись на стальной взгляд следователя, передумал и вышел из кабинета...

* * *

Замок открылся с тихим щелчком. У Чикатило всегда все было смазано, он никогда не допускал небрежности в мелочах. Смазанный замок, остро заточенный карандаш, мягко закры-

вающиеся дверки у шкафов, хорошо оточенный нож – все должно быть идеально, все в рабочем состоянии.

Чикатило зашел в дом, тихонько запер за собой дверь, повесил плащ и шляпу на вешалку и принялся аккуратно разуваться. В этот момент из дверей кухни выглянула жена Фаина.

– Здравствуй, Фенечка, – мягко улыбнулся мужчина. – Ужинать есть?

– Готово все, – улыбнулась в ответ жена. – Сейчас поставлю.

Фаина снова скрылась в кухне. Чикатило надел тапочки и пошел на кухню.

Кухня, как, собственно, и вся квартира, выглядела небогатой, но аккуратной. В этом доме не гнали за дефицитом, но ценили чистоту и порядок.

Пока жена хозяйничала у плиты, Чикатило сел к столу, достал из портфеля свежую газету, развернул и углубился в чтение. Фаина споро накрывала на стол.

В кухню заглянул сын Юрка, вихрастый паренек с озорными глазами.

– Ма, я ушел, – бодро поведал он.

– Куда опять? – без энтузиазма спросила мать.

– Ма, ну шо ты начинаешь? Меня Валька ждет, – и, повернувшись к отцу, будто только что его заметил, добавил: – Привет, пап.

– Ты уроки сделал? – не сдавалась Фаина.

– Да какие уроки, ма... Нам не задали ничего.

– Ага, всем задали, а тебе не задали. Лодырь!

Чикатило отложил в сторону газету. Юрка уже собрался сбежать от неприятного разговора, но отец остановил его:

– Подожди, Юра.

Юрка обреченно вздохнул. Чикатило очень серьезно посмотрел на сына:

– За гаражи в лесополосу не ходите. Здесь по району гуляйте. И если кто посторонний что спрашивать будет или позовет куда, не верьте и не ходите с ним.

– Ты чего, пап? – выпучился Юрка. – Какой посторонний?

– Никакой. Просто запомни, что я сказал. Иди.

Юрка вышел. Чикатило снова взял газету, но поймал на себе вопросительный взгляд жены и пояснил немного виновато:

– Тут опять всякие страсти про убийства рассказывают. Мало ли что.

* * *

В архиве пахло пылью. Витвицкий пришел сюда затемно. За окнами едва брезжил рассвет, когда он водрузил на край стола пачку архивных дел, открыл блокнот, положил его рядом, заложив ручкой, и взял из стопки первое дело.

Перед глазами замелькали фотографии, протоколы, рапорты – чья-то прежде времени оборванная жизнь, чья-то недоработка, безликий, ненайденный, избежавший наказания преступник...

Виталий Иннокентьевич штудировал информацию с дотошностью, с какой работал над диссертацией, но в голове параллельно вертелись совсем другие мысли. Из памяти всплыл голос Шеина:

– Удочка у него была! Эта... из бамбука! Вона, я руку об нее поцарапал!

Витвицкий сделал пометку в блокноте, закрыл дело, отложил на другой край стола. Взял новую папку и углубился в чтение, задумчиво покусывая кончик ручки.

– А удочку вы где бросили? – будто со стороны слышал он собственный голос.

– Какую удочку? – звучал в ответ голос Шеина.

– На допросе вы сказали, что у мальчика была удочка. Вы об нее руку оцарапали.

– А, удочка. Она тоже из листьев торчала. Я полез посмотреть и оцарапался.

Витвицкий листал документы, делал пометки в блокноте. Изначальная стопка дел уже довольно сильно поредела. Зато на другом краю стола появились две стопки с отсмотренными делами: одна побольше, другая поменьше.

Новая папка, новое дело, новые фотографии с новым истерзанным трупом, новые протоколы, новые заключения... От кровавых подробностей на душе было скверно. Капитан все яростнее покусывал кончик ручки. А в голове снова и снова звучали голоса из недавнего прошлого:

- Я полез посмотреть и оцарапался, – говорил Шеин.
- Что посмотреть? – спрашивала его Ирина.
- Как это чего? Что там в листьях.

Витвицкий с отсутствующим взглядом завис над делом, мысли его усаkali далеко от содержания папки. В голове по кругу, как сломанная пластинка, звучал голос Шеина:

– Удочка... из бамбука. Вона я руку об нее поцарапал... Удочка... тоже из листьев торчала... Я полез посмотреть и оцарапался... Удочка... из листьев торчала... Я полез посмотреть... что там в листьях...

Вот же! Удочка торчала из листьев, Шеин оцарапал руку, когда полез посмотреть, что в листьях лежало. А до того говорил, что оцарапался, когда убивал мальчика. Так убивал или не убивал? И когда напоролся на удочку? А может, вовсе на нее не напарывался?

Витвицкий с таким остервенением закусил кончик ручки, что хрустнул пластик.

– Вы, кажется, не завтракали, Виталий Иннокентьевич, – вывел его из задумчивости голос Ирины.

Мужчина повернулся на голос. За окнами было уже совсем светло. В нескольких шагах от него стояла старший лейтенант с сумкой и улыбалась.

– Здравствуйте, Ирина, – опешил Витвицкий. – Почему вы так решили?

– Надо быть очень голодным, чтобы есть шариковую ручку, – рассмеялась Овсянникова, подошла вплотную и принялась выкладывать на стол термос и свертки с бутербродами.

– Угощайтесь, – пригласила она. – Нам с вами здесь весь день куковать.

– Нам? – не понял Виталий.

– А вы как думали? Я же говорила, инициатива наказуема. Ваше начальство в этом, как я смотрю, с моим солидарно: неугодных – в архив, чтоб под ногами не путались.

Девушка сняла крышку с термоса, налила в нее кофе и протянула Витвицкому.

– Вот кофе. Угощайтесь.

Благодарно кивнув, Витвицкий принял исходящую паром крышку, пригубил. Овсянникова тем временем шарила взглядом по столу, отметив разделенный на три стопки ворох дел, блокнот с пометками. Было видно, что капитан успел основательно потрудиться.

– А я смотрю, вы здесь давно.

– Я плохо спал, – нехотя признался Витвицкий. – Мысли, знаете... Вот и...

Он обвел рукой разложенные на столе дела. Овсянникова взяла стул и села рядом.

– Что-то нашли?

Психолог пожал плечами.

– Пока пытаюсь найти что-то общее. Какую-то закономерность.

– Вы уверены, что она есть?

– Она должна быть. Это единственное, в чем я уверен.

Овсянникова потянулась было за блокнотом, но в последний момент спохватилась, задержала руку и посмотрела на Витвицкого:

– Можно?

Капитан кивнул, уткнув нос в материалы раскрытого дела и вновь погружаясь в свои мысли.

Ирина взяла блокнот, углубилась в записи, перелистывая страничку за страничкой. Дела, кучами разложенные на столе, на глазах превращались из абстрактных стопок в систематизированный материал. Овсянникова бросила уважительный взгляд на коллегу – что-то, а работать с данными он явно умел и, судя по объемам обработанного материала, делал это невероятно быстро. Захочешь, а не догонишь. Но это не повод бездельничать.

Ирина взяла папку из не разобранной еще стопки. Снова поглядела на Витвицкого. Капитан сидел над делом с полной кофе крышкой от термоса в руке и вид имел отсутствующий.

– Пейте кофе, Виталий Иннокентьевич, остынет, – подбодрила девушка.

– Что? – встрепенулся Витвицкий. – А... да... спасибо.

Он рассеянно пригубил кофе и вдруг, словно в голове его переключили какой-то тумблер, резко отставил крышку термоса и поднялся из-за стола.

– Ирина, скажите, а где находится троллейбусное депо, в котором задержали Шеина?

– Двадцать вторая линия, – оторопев от такой перемены, обронила Овсянникова. – Это в Пролетарском районе. А зачем вам?

Витвицкий, казалось, уже не слышал ее, снова заблудившись в своих мыслях.

– Я скоро вернусь, – бросил он, шагая к дверям, но вдруг, будто вспомнив что-то, развернулся и возвратился обратно. Заговорил, возбужденно жестикулируя: – В правой стопке дела, созвучные с нашим. Левая неразобранная. Обращайте внимание на жертвы: многочисленные ножевые, изнасилование либо попытка изнасилования... Это важно.

Старший лейтенант молча кивнула.

– Вы меня прикройте, если что, – немного виновато улыбнулся Витвицкий.

– Само собой... – ответила она.

Мужчина махнул рукой, что-то хотел сказать, но передумал и поспешно вышел. Овсянникова ошалело смотрела на закрывшуюся за ним дверь. Интересно, сколько еще сюрпризов таится в этом несуразном человеке?

* * *

Щелкнул выключатель, бобины магнитофона неспешно пришли в движение. В кабинете за столом с микрофоном на этот раз сидели оба – Жарков и Шеин. Вокруг привычно расселись Ковалев со своими сотрудниками и Кесаев с московской командой. Недоставало только сосланных в архив Овсянниковой и Витвицкого.

– Гражданин Шеин. Гражданин Жарков, – голос Ковалева звучал предельно официально. – Вы дали показания, признав свою вину в убийстве несовершеннолетнего Игоря Годовикова. Расскажите еще раз, под запись, как именно это произошло. Начнем с вас, Жарков.

Жарков оглядел присутствующих, приосанился. Ему явно льстило всеобщее внимание. Шеин смотрел на приятеля с некоторой ревностью.

– Ну, эта... Я, короче, шел от электрички. С платформы этой... Пригородной, короче, – начал подозреваемый.

– Мы шли, – ревниво поправил Шеин.

Жарков замолчал, повернулся и посмотрел на Шеина как на пустое место. Шеин подобрался, принимая вызов, набычился, но в последний момент сдержал себя.

– Шел, короче, я, значит, по дорожке, – продолжил Жарков. – Ну, тропинка там такая. К лесополосе. Ну и эта...

Парень снова сделал паузу, ему явно не хватало слов. Он беспомощно пробежал взглядом по лицам собравшихся в кабинете, словно пытаясь найти поддержку. Наткнулся на внимательный и даже благожелательный взгляд Ковалева, приободрился и закончил:

– Вот, короче, я пацана этого и эта... Короче, в кусты и затащил. Вот.

– Ты шо, баклан, припух? – не выдержал внимательно следивший за рассказом Шеин. – Это я... Я шнурка затащил! Я, понял, бля?!

Жарков посмотрел на подельника с превосходством.

– С хуя ли ты? – снизошел он до вопроса.

– А кто, бля? Ты, что ли? – негодовал Шеин.

– Мы затащили! – примирительно подытожил Жарков.

Ковалев постучал карандашом по столешнице, прерывая спор и призывая к порядку.

– Гражданин Шеин, у вас будет возможность изложить свою версию. Гражданин Жарков! Продолжайте.

Получив официальное разрешение продолжать, Жарков снова приосанился, придал лицу торжествующее выражение и продолжил:

– Ну, короче, я его в кусты затащил и там... – он сделал нарочито театральную паузу и выпалил: – Завалил. Наглушняк.

Обвел взглядом слушателей, будто ожидал эффекта разорвавшейся бомбы. Но ожидаемой реакции не последовало.

– Каким образом вы совершили убийство несовершеннолетнего Годовикова? – сухо уточнил Липягин.

– Шо? – растерялся Жарков.

– Орудие убийства какое, Жарков? – раздраженно перевел вопрос заместителя Ковалев.

– А, орудие... – протянул подозреваемый. – Ну эта... Короче, пописал я его. Притыкой... Ну, короче, ножиком.

Продолжавший внимательно следить за подельником Шеин снова взорвался.

– Кого вы слушаете, бля? – заорал он в негодовании. – Пиздабола ростовского! Не было у него притыки, во, зуб даю!

Шеин быстро щелкнул ногтем по переднему зубу, провел большим пальцем под подбородком и трижды сплюнул, как положено по «понятиям» во время блатной клятвы.

– А у кого была? – тут же среагировал Липягин.

– У меня, ясное дело, – перехватил инициативу Шеин, не желая отдавать подельнику всеобщее внимание.

– Да хуй! Это мой кесарь, – возмутился Жарков. – Я у Жендоса в секу выиграл, – доверительно поделился он с Ковалевым, чувствуя в нем главного.

Полковник кивнул.

– Ну, ну, дальше?

– Это я, бля! – снова вклинился Шеин. – Я шнурка завалил! Он, сучонок, дергаться начал, и я его... Руку вон поцарапал удочкой этой ебаной.

Шеин потянул рукав, оголяя предплечье и демонстрируя самое весомое свое доказательство – царапину на руке.

– Ну-ка прекратить жаргон! – гаркнул Липягин. – Не в блатхате. Подозреваемый Шеин, ответите по существу, когда вас спросят. Жарков, продолжайте.

– Закройся, короче, понял? Ты вообще кого завалить можешь? – мстительно огрызнулся Жарков на Шеина, снова чувствуя себя в центре внимания, и поделился с Ковалевым: – Мы в седьмом классе кошку хотели зажарить. Ну, на костре, короче. Поймали мурку, решили ее повесить вначале, так этот даже петлю зассал затянуть... Ссыкло!

Последний пассаж был адресован лично Шеину и прозвучал до крайности обидно. Тот резко вскочил из-за стола.

– Сам ты ссыкло! Я кошек жалею, бля, понял? А тебя, пидораса, не пожалею нихуя.

– Шеин! Сядьте! – осадил Ковалев.

– Шо? Как ты меня назвал?! – взвился Жарков, тоже поднимаясь из-за стола.

– На место! Оба! – гаркнул Ковалев.

Но подельники уже никого не видели и не слышали. Мир для них сузился до незначительного пространства. Они стояли, разделенные столом, и с ненавистью сверлили друг друга взглядами.

– Шо ты хочешь? – первым перешел от гляделок к действию Шеин. – Шо, бля, блатной в натуре? На, сука, с ладошки!

Он подался вперед и унизительно шлепнул Жаркова открытой ладонью по лицу. Пощечина сработала не хуже спускового крючка. Тот с невероятной скоростью перемахнул через стол и кинулся на Шеина, пытаясь ударить обидчика по лицу. Шеин увернулся, удар прошел вскользь. Не получивший удовлетворения Жарков навалился на субтильного подельника и принялся беспорядочно молотить его. Шеин, растеряв весь свой блатной гонор, повалился на пол, скорее от страха, чем от ударов. Прикрыл лицо руками и завизжал:

– Сука, я псих! Притыку дайте, завалю! А-а-а!

– Растащите их! – рявкнул первым пришедший в себя Ковалев.

Жарков сидел верхом на поверженном противнике. Он уже не бил, чувствуя себя победителем, лишь замахивался и рычал:

– Кто тут пидорас?! Шо, захлопнулся? Кто тут пидорас?

Кабинет ожил, люди засуетились. Подоспели милиционеры, оттащили зло зыркающего Жаркова, подняли напуганного Шеина.

– Хруленко, запись останови, твою мать! – рыкнул Ковалев на застывшего у магнитофона офицера. – Уведите обоих! Успокойте, приведите в чувства. Допрос продолжим через полчаса по одному. Первый Шеин. Жаркова в одиночку.

Арестованных поволокли к выходу. Услышав распоряжение Ковалева, Шеин победоносно истерично расхохотался:

– В одиночку пойдешь, сука, понял?!

– Баклан хуев! – с ненавистью огрызнулся Жарков, он попытался вывернуться, но милиционеры держали крепко.

– Да уведите вы их! – устало поморщился полковник. – Пока все свободны.

Переругивающихся Шеина и Жаркова вывели в коридор. Ковалев мял виски. От духоты и неожиданно возникшего бардака разболелась голова. Сотрудники потянулись к выходу. Подошел недовольный Кесаев, посмотрел на сидящего начальника ростовского УГРО сверху вниз:

– Вам не кажется, Александр Семенович, что это какой-то цирк?

– Что для вас цирк? – окрысился на московского коллегу Ковалев. – Зверское убийство ребенка?

– Не передергивайте. Вы прекрасно понимаете, о чем я.

– Нет, не понимаю.

– Эти двое, чтобы они ни говорили, менее всего похожи на убийц, уж поверьте моему опыту.

– У меня опыт не меньше вашего. И этот опыт подсказывает, что никто, ни один человек, не возьмет на себя такое убийство по собственной воле, – Ковалев поднялся из-за стола и говорил теперь, глядя прямо в глаза собеседнику.

Обычно под этим взглядом люди ломались, отводили глаза, но Кесаев взгляд выдержал.

– Видно же, что эти двое – мелкая шпана. Обычные гопнари, говоря их языком.

– Вы так считаете, Тимур Русланович?

Ковалев продолжил давить взглядом, но Кесаев смотрел прямо и был спокоен.

Железный, значит? Ковалев усмехнулся, взял со стола папку и протянул Кесаеву:

– Ознакомьтесь. Мне передали перед самым допросом, не успел вам показать.

Кесаев открыл папку, углубился в изучение документа. Ковалев с интересом наблюдал за московским следователем. Бумага, которую он передал москвичу, была экспертным заключе-

нием по ножу, изъятому у Шеина при задержании. И среди прочего в этом заключении говорилось:

«...Отпечатки пальцев на рукояти и лезвии идентичны отпечаткам пальцев подозреваемого Шеина П.В. ...»

...Сопоставив характер ран на теле несовершеннолетнего Годовикова с лезвием данного ножа, нельзя исключить, что данный нож мог быть предполагаемым орудием убийства несовершеннолетнего Годовикова И. ...»

Кесаев оторвал взгляд от бумаги и посмотрел на Ковалева по-новому.

– Утром пришло из лаборатории, – невинно сообщил Ковалев. Все-таки ему удалось сбить спесь с непроницаемого коллеги.

– Из этой бумаги следует только, что нож принадлежит Шеину, – задумчиво произнес Кесаев.

– Из этой бумаги следует, что нож мог быть орудием убийства, – в тон ему ответил Ковалев.

– А мог и не быть, – на лицо мужчины вернулось обычное непробиваемое выражение.

– Товарищ полковник, давайте вы не будете меня учить, как вести расследование, хорошо? Это – улика! – Ковалев постучал пальцем по заключению.

Он чувствовал, что в голосе его звенит раздражение, что раздражением этим он сдает позиции, но сделать с собой ничего не мог.

– Я курить, – сказал он уже спокойнее, закрывая разговор. – Вы как хотите.

И резко вышел.

Оставшись в одиночестве, Кесаев сел к столу и принялся задумчиво перечитывать заключение экспертизы.

* * *

Троллейбусный парк на Двадцать второй линии в Пролетарском районе при свете дня оказался местом весьма унылым. Витвицкий шел вдоль типового забора, за которым расположилось депо, и разглядывал колючую проволоку, змеящуюся по верхнему краю ограждения.

Забор закончился, упершись в будку КПП, проволока тоже. Капитан остановился, внимательно осмотрел будку, ворота и снова перевел взгляд на забор и выющую петлями колючую проволоку.

– Эй, парень! Тебе чего надо? – окликнул грубый голос.

Витвицкий оглянулся. От будки КПП к нему шел крепкого сложения молодой охранник. На лице его было недовольство, в движениях чувствовалась угроза. Витвицкий невольно ссутулился и поспешно полез во внутренний карман. Достал удостоверение и смущенно развернул. Необходимость размахивать корочкой отчего-то всегда вызывала у капитана неловкость. Возможно, неловкость эта была за тех, кто наглед, хамел и бравировал, доставая удостоверение, а таких Виталий Иннокентьевич видел немало.

– Простите... я тут... вот...

Молодой человек будто споткнулся об удостоверение, растеряв напористость. Угрозы в нем не осталось ни грамма, сейчас он скорее напоминал большого тельца.

– Извините, товарищ капитан, – пробасил парень. – У нас ввели внутриобъектный режим. Как угонщик этот пролез, так нас теперь так дрючат... – он споткнулся и поправился: – Простите, сильно проверяют. Вы ведь тоже из-за угонщика?

Витвицкий кивнул, уточнил предельно вежливо:

– Простите, как вас по имени-отчеству?

– Валера, – уже бодрее отозвался охранник.

– Подскажите, Валерий, а как угонщик на территорию попал?

– А хер его... – он снова споткнулся и поправился: – Простите, пес его знает. Я не видел, Петрович же дежурил. Но через КПП он пройти не мог. Ворота закрыты были. Выходит, через забор.

Витвицкий в который раз поглядел на верхний край забора, по которому тянулась колючая проволока.

– Под током? – уточнил на всякий случай, кивая на проволоку.

– Шутите? На хера по ней ток пускать? – охранник удивился настолько искренне, что даже забыл поправиться.

Капитан кивнул, подошел к забору вплотную и посмотрел на верхний край, будто кот, прицеливающийся к прыжку. Но не прыгнул, а повернулся к молодому охраннику:

– Валерий, – спросил он, немного смущаясь, – а вы не могли бы меня подсадить?

* * *

В здание УВД Витвицкий ворвался, как выражались незабвенные Ильф и Петров, стремительным домкратом. Отмахнулся удостоверением от дежурного, пронесся через вестибюль и, едва не сбив кого-то с ног, побежал вверх по лестнице.

Как раз в этот момент из кабинета после допроса выводили Шеина. Следом вышли Ковалев и Кесаев с папкой под мышкой.

– Предлагаю продолжить после трех. Допросы допросами, как говорится, а обед по расписанию, – Ковалев был миролюбив – видно, индивидуальный допрос, в отличие от перекрестного, прошел без эксцессов.

Впрочем, эксцесс не заставил себя ждать и явился двум полковникам в виде расхристанного, запыхавшегося капитана. Витвицкий вылетел с лестницы в коридор, увидел конвоируемого Шеина и коршуном кинулся к нему.

– Покажите руку! Ту, с царапиной! – потребовал капитан у Шеина.

– Товарищ капитан, не положено... – опешил конвоир.

– Я только посмотрю, – мужчина и не думал ослаблять напор. – Быстрее.

Повинуясь натиску всегда тихого капитана, конвоир кивнул Шеину – мол, можно. Витвицкий с какой-то маниакальной поспешностью схватил парня за предплечье, вывернул руку запястьем к себе, вздернул рукав и впился хищным взглядом в глубокую кривую царапину.

Шеин испуганно смотрел на странного капитана, который повел себя еще страннее – неожиданно улыбнулся, но руку напуганного арестанта отпустил.

– Ты белены объелся, капитан? – в голосе Ковалева было больше язвительности, чем злости.

Витвицкий обернулся и только теперь заметил стоящих рядом полковников. Ковалев откровенно развлекался, Кесаев играл желваками.

– Товарищ капитан, потрудитесь объяснить, по какой причине вы находитесь здесь, а не в архиве? – ледяным тоном произнес Кесаев.

– Я на обед, Тимур Русланович. Догоняйте, – ухмыльнулся Ковалев и пошел прочь.

Следователь буровил взглядом счастливого Витвицкого. Внезапное появление психолога и радостная идиотская улыбка на его физиономии должны были иметь под собой очень веские основания, иначе... Иначе он, ей-богу, претворит в жизнь угрозу отправить этого «помощника» в Москву с волчьим билетом.

– Вы что делаете, Витвицкий? – холодно процедил Кесаев.

– Тимур Русланович, я очень прошу вас, уделите мне пять минут своего времени, – с трудом сдерживая улыбку, попросил Витвицкий.

Кесаев одарил капитана убийственным взглядом.

– Пожалуйста, товарищ полковник. Это важно.

Вздыхнув, Кесаев сделал несколько шагов по коридору и толкнул дверь, пропуская Витвицкого вперед.

В кабинете Кесаев прошел к столу, Витвицкий семенил следом, его переполнял азарт.

– Во время следственного эксперимента в показаниях Шеина возникли противоречия, – уверенно говорил капитан. – Он привел нас точно на место убийства, но говорил так... будто не спрятал там тело, а нашел его...

Кесаев сел за стол. Витвицкий остался стоять, закончил радостно:

– И удочки, по его словам, из листьев торчали.

– К чему вы все это? – мрачно поинтересовался Кесаев.

– Я был в троллейбусном депо, где задержали Шеина. Там по забору колючая проволока идет. Я не врач, но я уверен... Характер повреждения... царапина на руке Шеина... это не от сломанной удочки. Расщепленный бамбук не так царапается...

– Серьезно? – губы следователя тронула полуулыбка. – А как?

Витвицкий рывком отдернул рукав, заголяя руку. По предплечью, там же, где и у Шеина, у него тянулось несколько мелких царапин.

– Вот так, – радостно сообщил капитан, демонстрируя начальству исцарапанную руку.

Кесаев взял подчиненного за запястье, повернул его руку к свету, разглядывая царапины.

– Удочку покупали специально? – поинтересовался он.

– Ага, – с детской непосредственностью улыбнулся Витвицкий. – В «Спортоварах». Сломал и попробовал. Видите?

Кесаев отпустил руку психолога.

– Совсем иной характер царапин, – не унимался капитан. – А Шеин... Он ободрал руку о колючую проволоку, когда лез через забор.

И Витвицкий завернул рукав на другой руке, демонстрируя длинную царапину, очень похожую на царапину Шеина.

– Вот, это от колючей проволоки!

Кесаев хмыкнул:

– Йодом хотя бы обработали?

– Перекисью... Неважно! – Витвицкий сиял, как именинник. – Я не специалист, но... тут и не надо быть специалистом, Тимур Русланович. Видно же...

Кесаев слушал, вернув привычное непроницаемое выражение. Глядя на его каменное лицо, Витвицкий невольно сбавил обороты:

– Это, конечно, ничего еще не доказывает, – сдержанно закончил он. – Но... дает повод для размышлений...

– М-да... – произнес следователь, достал из папки знакомое экспертное заключение и протянул Витвицкому.

– Что это? – опешил тот.

– Копия экспертного заключения по ножу, изъятому у Шеина при задержании. Тоже дает повод для размышлений.

Витвицкий побежал взглядом по тексту.

– Читайте-читайте.

– «...Нельзя исключить, что данный нож мог быть предполагаемым орудием убийства...» – прочел вслух капитан и посмотрел на Кесаева растерянно. – Но ведь мог и не быть. Формулировка размыта...

– Вы точно психолог, а не юрист? – поинтересовался Кесаев, забирая документ и убирая обратно в папку.

Витвицкий понуро молчал, запал у него иссяк окончательно.

– Хорошо, свободны.

Мужчина поплелся к двери. Казавшееся невероятным открытие, переворачивающее все дело совсем в другую сторону, разбилось о непробиваемую стену.

– Капитан! – окликнул Кесаев.

Витвицкий обернулся.

– Все, что вы мне сейчас изложили, подготовьте до вечера в письменной форме, – неожиданно мягко сказал Кесаев и, видя, как на физиономию Витвицкого возвращается улыбка, добавил суше: – Но отчет по работе в архиве никто не отменял.

* * *

Чикатило остановился у кабинета начальника, постоял секунду, будто собираясь с мыслями: с чего это начальство под конец рабочего дня на ковер вызвало? Одернул пиджак, постучал и тут же, не дожидаясь ответа, распахнул дверь.

Начальник что-то писал. На стук и звук распахивающейся двери вскинулся, готовый спустить собак на самовольного визитера, но передумал, увидев Чикатило.

– А, Андрей Романович. Заходи, садись.

Мужчина прошел к столу, сел напротив начальника. Трепета перед хозяином кабинета он явно не испытывал, вел себя спокойно и уверенно. Начальник протянул ему через стол руку, Чикатило ответил на рукопожатие.

– Как семья, как дети? – живо осведомился начальник.

– Спасибо, все хорошо. Живы, здоровы.

– Сколько твоим, напомни?

– Сыну четырнадцать только исполнилось, дочке – восемнадцать.

– Большие уже... хотя... В этом возрасте глаз да глаз... Кстати, слышал? Поймали этих, которые детей по лесополосам насиловали и убивали.

– Поймали? – удивленно вскинул брови Чикатило.

– Да, у меня кум в прокуратуре, так он рассказал – двое, оба признались. И как таких тварей земля носит, а?

– И не говорите.

Решив, что посторонних разговоров достаточно, начальник сменил тему:

– Тут такое дело. Знаю, что ты в прошлом месяце в командировке был, но послать больше некого, а ехать надо – запчасти к насосам застряли в Новошахтинске. И потом – ты же у нас спец по этим делам, а? – он рассмеялся слегка натянуто, как человек, не привыкший, но вынужденный просить. – Умеешь же из-под земли доставать, а?

Чикатило улыбнулся, скромно развел руками, мол, да, умею, что есть, то есть.

– Ну, в общем, ты не возражаешь? – скорее утвердительно спросил начальник.

– Надо – значит, надо, Иван Трофимович.

– Ну и добре. Иди в отдел кадров, возьми командировочное, у Опанасюка в отделе накладные и все прочую бухгалтерию. Ну, ты знаешь, – было видно, что мужчина внутренне выдохнул, испытал облегчение, что все так просто и удачно решилось. – А как вернешься, два дня отгулов к отпуску, договорились?

– Спасибо, лишними не будут, – пожал на прощание протянутую начальственную длань Чикатило.

* * *

За окнами давно стемнело. В здании УВД Ростовской области оставались в такое время только дежурные. Да еще горел свет в кабинете, выделенном местным руководством Кесаеву.

Тимур Русланович сидел за столом над папкой с документами и задумчиво курил. При чем курил давно и много, о чем свидетельствовала массивная хрустальная пепельница, полная окурков.

А задуматься было о чем. От навязанного начальством в Москве психолога неожиданно вышла польза. Витвицкий нашел ключик к тому, что тревожило Кесаева. И если до разговора с капитаном все было на уровне ощущений, то теперь нестыковки стали видны невооруженным глазом.

Следователь встал из-за стола, прошел к темному окну и вгляделся в ночь.

Нет, вопросов меньше не стало и ответов не сильно прибавилось, но неоднозначность дела, как бы ни пытался доказать обратное Ковалев, вылезла наружу и царапала глаз.

Тимур Русланович затаился. Сигарета дотлела практически до фильтра. Кесаев вернулся к столу, вдавил окурочек в переполненную пепельницу, взял чистый лист бумаги и крупно написал на нем: «НОЖ». Подумал и поставил рядом знак вопроса. Затем ниже написал: «ЦАРАПИНА», поставил против этого слова восклицательный знак и потянулся за сигаретами. Но пачка «Явы» оказалась пуста. Скомкав мягкую пачку, Кесаев бросил ее в корзину и решительно поднялся из-за стола.

Хватит на сегодня. Пора возвращаться в гостиницу. Иногда полезно отдыхать.

* * *

– Внимание, внимание! Электropоезд Ростов-на-Дону – Новошахтинск прибывает на первый путь, – с потрескиванием вещал из динамика голос диспетчера. – Повторяю, электропоезд Ростов-на-Дону – Новошахтинск прибывает...

Голос потонул в грохоте колес, шипении открывающихся дверей. Из прибывшей электрички на перрон повалили суетливые пассажиры, смешиваясь с теми, что ожидали прибытия. Люди спешили по своим делам, среди них в толпе, ничем не выделяясь, шагал Чикатило. В плаще, в шляпе, с портфелем в руках. Взгляд его равнодушно скользил по окружающим людям. Как и другие, он тоже спешил по своим делам – надо было решать вопрос с застрявшими насосами.

Вместе с остальными пассажирами Чикатило двигался к зданию вокзала с яркой, броской надписью «НОВОШАХТИНСК». Именно тут он и заметил девушку-бродяжку. Несимпатичная, неряшливо одетая, с разбитой губой, красным обветренным лицом, как это бывает у людей, подолгу бывающих вне помещений, она стояла у фонарного столба с потертой хозяйственной сумкой.

Девушка следила за урной. Выждав, когда один из пассажиров выбросит бутылку из-под лимонада «Буратино», бродяжка направилась к урне. Воровато оглянувшись, выудила заветную бутылку и быстро сунула ее в хозяйственную сумку. Звякнуло стекло о стекло, видимо, это был не первый за сегодня улов.

Чикатило замер, стекленея взглядом, несколько секунд разглядывал бродяжку, затем резко сменил направление, подошел ближе и остановился в нескольких шагах от урны:

– Здравствуйте.

Девушка мрачно посмотрела на дядьку в шляпе и довольно грубо спросила:

– Шо надо?

– День сегодня хороший... – начал было Чикатило, но бродяжка была явно не настроена на светские беседы.

– Отвали, мужик. Без тебя тошно.

– Не нужно грубить. Как тебя зовут?

– Как надо. Отвали, сказала, – отшила девушка.

– Я выпить хочу, а один не привык, – сменил стратегию мужчина. – Составишь компанию?

Девушка мгновенно изменилась в лице, будто посветлела, с интересом поглядела на незнакомца.

– Ну, и шо? Есть?

Чикатило покачал портфелем:

– Есть.

– Красное или по-серьезному? – оживилась бродяжка.

– Коньяк, армянский. Будешь?

Девушка непроизвольно улыбнулась, но тут же зашипела от боли, прикрыв рукой разбитую губу.

– Больно? – участливо спросил Чикатило.

– Василь, сука... – прошипела бродяжка. – Вчера бухали на стройке, ему не хватило... Он мне, главное, говорит – иди, найди. А я что, ищейка? Сам, говорю, иди. Ну, он и вдарил, гад...

– Женщин бить нехорошо, – наставительно сказал Чикатило. – Так как тебя зовут?

Девушка поглядела на дядьку в плаще с одобрением, окинула взглядом его фигуру.

– Валентина, – представилась она и добавила торопливо: – Но денег нет, предупреждаю!

– Я разве говорил про деньги? А я, кстати, дядя Андрей.

– Шо, дядя Андрей, – развеселилась Валентина, – натурой хочешь?

– Валечка, ну зачем так грубо? – улыбнулся Чикатило. – Там разберемся. Есть спокойное место? Ну, чтобы посидеть, поговорить...

– У котельной, там кусты и гаражи, дальше лес, – уверенно ответила бродяжка. – Пошли, что ли, дядя Андрей?

Чикатило сделал галантный жест – мол, дамы вперед, чем снова развеселил девушку. Девушка фыркнула, подхватила сумку с бутылками, но в последний момент Чикатило перехватил ее:

– Женщины не должны носить тяжести. Прошу вас, сударыня.

Эта обходительность еще больше насмешила Валентину. Расхохотавшись, она бодро зашагала к выходу с перрона. Чикатило пошел следом, сжимая в руке сумку с бутылками и портфель.

Он обманул. В портфеле у него не было коньяка. Ни армянского, ни молдавского – никакого. Там были совсем другие вещи, среди которых, завернутый в вафельное полотенце, лежал хорошо отточенный кухонный нож с черной пластиковой ручкой, на которой были выцарапаны буквы М.Ц.

* * *

В областном милицейском архиве время тянулось словно резиновое. Обстановка здесь напоминала библиотечную, но плакат на стене «Не сообщайте секретные сведения лицам, не имеющим к ним прямого отношения» напоминал, что это отнюдь не рядовое гражданское заведение.

Витвицкий и Овсянникова сидели за столом, заваленным папками с делами за прошлые годы. Под коричневыми картонными обложками покоились тысячи страниц человеческого горя. Изучать их было тяжело и морально, и даже физически – «слепой» шрифт пятых копий машинописи плохо читался, заставляя напрягать глаза.

– Виталий Иннокентьевич, вы говорили с Кесаевым? – оторвавшись от очередного дела, спросила Овсянникова.

– Да, – не поворачивая головы, ответил Витвицкий. – Мне кажется... мне кажется, я сумел посеять в его душе зерно сомнения. Ирина, вот посмотрите этот протокол... – он про-

тянул девушке бумагу. – Здесь упоминается сто пятнадцатая статья... Напомните, пожалуйста, что это?

Старший лейтенант взяла протокол, вчиталась и непроизвольно улыбнулась.

– Статья сто пятнадцать, Виталий Иннокентьевич, это «Заражение венерической болезнью».

Капитан неожиданно засмутился. Овсянникова закатила глаза и, словно на уроке, затараторила по памяти:

– «Заведомое поставление другого лица через половое сношение или иными действиями в опасность заражения венерической болезнью – наказывается лишением свободы на срок до двух лет, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до двух минимальных месячных размеров оплаты труда». Вот!

Сняв очки, Витвицкий удивленно посмотрел на Овсянникову.

– А что, есть и такая статья? Я, конечно, изучал Уголовный кодекс в студенчестве, но он очень далек от моей основной деятельности, и многое забылось...

– Конечно, есть, – улыбнулась Овсянникова. – Я как-то читала один рассказ... то ли Мопассана, то ли Анатоля Франса... Там девушка проникла в стан неприятеля и заразила всех сифилисом. Вы думаете, ее не должны были наказать?

– Как заразила? – не понял Витвицкий.

Теперь уже пришла очередь смущаться Овсянниковой. Она хихикнула, посмотрела в сторону.

– Виталий... Иннокентьевич, ну в вашем-то возрасте вы должны знать как.

Психолог покраснел, надел очки, уткнулся в документы и бросил несколько раздраженным тоном:

– Разумеется, я знаю «как»! Меня заинтересовала моральная сторона вопроса. Впрочем, давайте работать.

Девушка искоса посмотрела на сердитого Витвицкого, улыбнулась.

– Ну, не обижайтесь. Я не имела в виду ничего плохого. А почему вас заинтересовал этот протокол?

– Понимаете, Ирина, там как будто бы сходный с нашими убийцами случай – некий преступник насильничал женщин, девять пострадавших. Но пока его искали, как следует из материалов дела... – мужчина хлопнул ладонью по папке на столе, – появился самозванец, утверждающий, что это он изнасиловал.

– И что же?

– Его быстро вывели на чистую воду. Все пострадавшие оказались заболевшими... одним из тех самых заболеваний, ну, вы понимаете. Их заражал насильник. А у самозванца такой болезни выявлено не было. Как потом установило следствие, он оговорил себя, желая славы... как бы это сказать? Сексуального гиганта. Понимаете, о чем я?

Овсянникова заинтересованно посмотрела на капитана:

– Не совсем...

– Да что тут непонятного! – внезапно вспыхнул Витвицкий. – Это же тот же случай, что и с Шеиным, и с Жарковым! Я уверен в этом! И доказательства есть...

Старший лейтенант неожиданно взяла Витвицкого за руку, вытянула ее так, что стали видны царапины от удочки.

– Виталий... Иннокентьевич, вы, конечно, человек отважный, но уж меня простите, вот это – не доказательство.

Витвицкий выдернул руку, возмущенно бросил:

– Много вы понимаете в доказательствах! Были бы вы ценным сотрудником, вас бы не сослали сюда вместе со мной.

Теперь пришла очередь Овсянниковой сердиться:

– Вот она, благодарность! – с сарказмом воскликнула девушка. – Да если бы не вы, я бы сюда ни за что не попала!

Оба молча вернулись к бумагам. Воздух в комнате буквально искрился от напряжения.

Витвицкий, сильно покраснев, изо всех сил старался не смотреть в сторону девушки, листал бумаги, но взгляд его нет-нет да и косил в сторону Овсянниковой.

Та вроде бы выглядела спокойно, но это было только внешнее, показное спокойствие. Она тоже переживала из-за внезапной размолвки с Витвицким, и ее волнение выдавало еле слышное постукивание карандаша по столу.

– Вы не могли бы не стучать? – максимально вежливо попросил Витвицкий и тут же добавил: – Спасибо.

Девушка перестала стучать и ответила, демонстрируя еще более гротескную вежливость:

– Конечно. Привычка. Извините. Пожалуйста.

Уткнувшись в бумаги, оба молчали минут двадцать, шелестя страницами. Потом Овсянникова протянула Витвицкому руку с оттопыренным мизинцем.

– Мир?

Витвицкий посмотрел на тонкий розовый мизинчик Овсянниковой, на ноготок с капелькой алого лака, решительно зацепил его своим мизинцем.

– Мир, – сказал он с улыбкой облегчения.

* * *

Чикатило и Валентина шли по улице мимо частных домов и старых, покосившихся двухэтажных зданий, напоминавших бараки. Эта часть города, а точнее, уже пригород, словно застряла во времени – здесь ничего не менялось с пятидесятых годов, даже редкие фонари вдоль проезжей части были старые, послевоенные.

Впрочем, ни Валентина, ни Чикатило не обращали на это никакого внимания.

– ...Я ей так и говорю: «Да пошла ты, корова старая, на хуй!» Так и сказала, честно, – размахивая руками, продолжала рассказывать очередную историю из своей бурной жизни Валентина.

– Валечка, девушки не должны ругаться нехорошими словами, – с легкой улыбкой укорил свою спутницу Чикатило. – А где твои родители?

– А-а-а... – махнула рукой бродяжка. – Батьку я сроду не видела, а мамка на ферме работает, в Божковке. Ну, деревня такая под Белой Калитвой. Я, как школу закончила, поступать сюда поехала, в это... в училище, ГПТУ которое. Но там общага как тюрьма, а я свободу люблю.

– Сбежала?

– Не-а. Просто ушла, да и все. Иногда прихожу, ночью. Девки мне окно открывают на первом этаже, там, со двора, вахтерам не видно.

Чикатило внимательно посмотрел на девушку, спросил негромко:

– И давно ты там была последний раз?

Валентина поняла вопрос по-своему:

– Дядя Андрейка, а тебе зачем? Или ты к нам в общагу намылился? – она засмеялась. – А шо, если хочешь, пятеру гони, и все тебе будет – и в дыхательный, и в пихательный. У нас девки на передок слабые, а если вмажут – вообще пездам не хозяйки.

И Валентина расхохоталась на всю улицу.

Чикатило отвернулся, по лицу пробежала судорога. Он часто задышал, непроизвольно вытер вспотевшие руки об одежду – этот разговор с развязной бродяжкой возбудил его.

Девушка не заметила перемены в состоянии своего спутника. Впереди, над кронами деревьев, появилась труба котельной.

– О, пришли уже! – обрадовалась Валентина. – Давай, дядя Андрейка, шевели мослами – у меня трубы горят, а ты плетешься как дистрофан.

Мужчина усмехнулся, но ничего не сказал, лишь послушно ускорил шаг.

* * *

Ковалев и Липягин в расстегнутых кителях, расслабив галстуки, сидели в кабинете Ковалева и пили тот самый, не выпитый Кесаевым, коньяк. Липягин поднял третью по счету рюмку:

– Ну что, Александр Семеныч, за успех? Лихо ты это дело раскрутил.

– Да ладно, – вальяжно усмехнулся Ковалев. – Повезло просто. Если бы наш еблан Шеин не захотел в Москву на троллейбусе прокатиться – колупались бы мы с москвичами до сих пор.

Оба засмеялись.

– Везет тому, кто везет, так Третьяк сказал, – заметил Липягин, подпустив лести. – Ну, твое здоровье.

Они чокнулись, выпили, Ковалев поморщился, откусил от лимона как от яблока; Липягин запил из стакана чаем.

– С доказательной базой надо поработать поплотнее, Эдик, – переждав оскомину, сказал полковник. – Чтобы москвичам некуда было клинышек вбить. Нож – это хорошо, но нужны свидетели. Ты там поднапряги своих, пусть найдут пару бабок глуховатых, чтобы на суде было кому рассказать, как эти дураки пацана убивать вели. Понял?

– Не бойсь, гражданин начальник, – заерничал Липягин, изображая шармагана на допросе. – Не первый день замужем. Все сделаем в лучшем виде.

Ковалев разлил коньяк, поднял рюмку.

– Ну, по последней и сворачиваемся. Дел много.

* * *

Чикатило следом за Валентиной шел по тропинке, которая вилась среди кустов и деревьев. Наконец они добрались до стен котельной – типичного места сбора местных алкашей. На обломанных ветках висели кверху донышками стаканы, украденные из аппаратов с газированной водой, впереди виднелось нечто вроде поляны, а точнее, вытоптанного пятачка, где стояли ящики, чернели угли костра, валялись закопченные банки из-под консервов.

Чикатило вдруг обогнал бродяжку, пошел впереди нее по тропинке, на ходу расстегивая портфель.

– Дядя Андрейка, все, тормози, пришли, – сказала Валентина. – Эй, ты куда бежишь?

Девушка догнала Чикатило. Она не видела, что он уже достал из портфеля нож. Валентина засмеялась, схватила мужчину за плечо, чтобы остановить.

– Ты прям спортсмен, рванул как...

Чикатило резко повернулся и всадил Валентине под ребра нож. Она запнулась на полуслове, издала полувсхлип-полустон. Из рта пошла кровь.

– Дядя... Андре... – простонала Валентина и повисла на руках убийцы. Он облапал ее, словно паук свою жертву, начал целовать в шею, щеки, губы, измазав лицо кровью. Он шатался с девушкой по поляне, будто танцевал с нею, еще полуживой, жуткое танго.

Вдруг Валентина закричала, в ужасе из последних сил попыталась отбиться от Чикатило, но вместо крика изо рта девушки полетели кровавые брызги и вырвался только хрип. Чикатило начал бить ее ножом. Валентина упала, и он навалился на неподвижное тело.

* * *

Ковалев сидел над документами, то и дело поглядывая на часы – хотелось домой, к томленому борщу и телевизору, но одно незаконченное дело держало его в кабинете. В дверь деликатно постучали.

– Не заперто, – буркнул Ковалев.

Вошел Кесаев. Хозяин кабинета тут же сменил выражение лица – теперь оно излучало радушие.

– А, Тимур Русланович. Заходите, располагайтесь.

Следователь сел к столу.

– Коньяк вы, помнится, не пьете, – улыбнулся Ковалев. – Чаю?

– Спасибо, – покачал лобастой головой Кесаев. – Лучше сразу к делу.

– Ну, к делу так к делу. Я пригласил вас для того... – начал полковник.

– Чтобы сообщить пренеприятное известие, – закончил Кесаев без тени улыбки.

– Отчего же неприятное? – рассмеялся мужчина. – Все складывается как нельзя лучше.

Мы готовим дело для передачи в суд.

– На каком основании? – чувствовалось, что Кесаев напрягся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.